

Если не *кот*, то кто?

Наталья Незаева

ВНУК КОТРИАРХА

ЧУДЕСНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЭРМИТАЖНЫХ
КОТОВ

Если не кот, то кто?

Наталья Нечаева

Внук котриарха

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нечаева Н. Г.

Внук котриарха / Н. Г. Нечаева — «АСТ», 2017 — (Если не кот, то кто?)

ISBN 978-5-17-100880-2

Они сами выбрали это место и этот город. Именно их стараниями на избранном месте был выстроен великолепный дворец, ставший лучшим музеем мира. Люди считают их котами. Конечно, если есть хвост, усы и ты мяукаешь, а не разговариваешь, да еще и похож на кошку, то кто ты? Да, зачастую они вынуждены принимать привычный и милый кошачий облик, на самом же деле они... кэльфы – волшебные существа из параллельной вселенной, обладающие невероятными знаниями и способностями. XXI век. А люди по сей день уверены, что это они творят историю... Наивные!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100880-2

© Нечаева Н. Г., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Знамение	5
Каста прикасаемых	8
Военный совет	12
Побег	15
Найденыш	21
Беда	25
Кошачье братство	29
Клетка	34
Великая и ужасная	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

*Если
не кот,
то кто?*

Наталья Нечаева

Внук котриарха

«В действительности все иначе, чем на самом деле».

Экзюпери

Знамение

Шум из Египетского зала разносился по всему этажу. Возбужденные и радостные охи, вздохи, пришепetyвания и восклицания летали меж арочных сводов, удваивались, отталкиваясь от стен, сшибались друг с другом на пологих ступенях, словно споткнувшись о невидимую завесу, и взмывали ввысь к самому потолку. Взоры всего многочисленного и разноплеменного собрания были обращены в угол, откуда по всему залу огненными мухами разлетались жужжащие искры. Мумия, откинувшая крышку саркофага и присевшая, чтобы лучше созерцать происходящее, то и дело отмахивалась от огоньков, цепляющихся за облачение черными грязными лапками. Множество кошек, соскочивших со своих постаментов, барельефов, ваз и кувшинов, сгрудились на полу у ног огромной черной кошки, каждое движение которой порождало новый выплеск искр, закручивающихся в смерчи и разлетающихся по залу.

Мут-Сохмет, это была именно она, величественно и грозно оглядывала внимающее ей собрание, время от времени поглаживая рукой лицо, будто проверяя, на месте ли материализовавшийся нос, не исчез ли снова, то есть достаточно ли она хороша, не посмеет ли кто-нибудь усомниться в ее безусловной красоте и силе. Священная кобра на ее голове подняла голову и воинственно раздувала капюшон, демонстрируя немедленную готовность к нападению.

Только одна-единственная кошка, самая красивая и изящная, со сверкающим синим скарабеем во лбу, не склоняла головы и не прижимала ушей. Она даже не сошла со своего помоста и слушала Мут-Сохмет с внимательной и лукавой улыбкой. Впрочем, ее витрина находилась как раз за углом одного из сводов и в поле зрения Сохмет не попадала.

— Час настал, — звучный голос Мут-Сохмет, до краев налитый горячим металлом, на каждом выдохе и рождал те самые искры, заставляя внимавших пригибать головы, чтобы жар не опалил шерсти и не ожег глаз. — Я чувствую, как во мне прибывают силы. Завтра черное пол-

нолуние, это мое время. Дворец будет наш. Чары кэльфов развеются, все они погибнут – в железе и воде, оставшихся на месте этих стен, они не способны жить. Останемся только мы, вечные великие и единственные хозяева этого мира и всех прочих миров. Слышите? – она внимательно оглядела разномастные склонившиеся перед ней затылки, – больше никто и никогда не сможет сходить с картин, создавать фантомов, перевоплощаться. Да и самих картин больше не будет! – Мут-Сохмет хохотнула, словно провела топором по камню, – эрмики – глупая стая – нам не помеха. Выжившие встанут в наши ряды, им все равно, кому служить за жратву. Потом они все равно передохнут – кастраты не могут оставлять потомства. И тогда я призову крысиного короля. О, это будет настоящий апокалипсис! Крысинный король – самая мощная технология извращения сознания. Не надо войн, не надо землетрясений. В мире людей исчезнут ориентиры, которые они называют смешным словом «мораль», свой начнет предавать своего, потом они просто пожрут друг друга! Как сошедшие с ума крысы. И тогда, наконец, мы сделаем то, что не удавалось триста лет. Хотя... что такое триста лет для вечности? Глоток крови, не более...

– А тот, кто должен прийти, он умрет? – Красивая кошка со скарабеем, наконец, спрыгнула с помоста и подошла ближе. Испуганная толпа расступилась, пропуская, и отодвинулась чуть дальше от трона, освободив просторный пятачок для красавицы.

– Ты опасаешься за него, Баст? – Мут-Сохмет засмеялась, и с вздрогнувших величественных сводов просыпалась белая пыль, припорашивая согбенные спины, промытые витрины, саркофаги, статуи. Черные и розовые шестиугольные плиты пола в главном проходе мгновенно сравнялись с цветом близлежащих серых. В приглушенно освещенном зале стало намного светлее, как после внезапного снегопада в городе хмурым осенним утром. Мут-Сохмет дождалась, когда перестанет обреченно звякать стекло, приосанилась. – Все предопределено. Он будет жить как обычный кот. Эрмики вполне разберутся с ним. О, это будет многосерийная драма, блокбастер, триллер, конец которого известен. И даже ты, Баст, уже ничем не можешь этому помешать. Тебе нужны доказательства? Вот, посмотри.

Мут-Сохмет грациозно повела коленями, и на тугих складках ее обтягивающего черного платья мигнули красные искорки, крошечные, живые, похожие на капельки свежей горячей крови.

Красотка со скарабеем подошла еще ближе, приняухалась. Видно было, она совсем не боится грозной Мут-Сохмет. Длинным грациозным движением Баст взлетела на ее левое плечо, сдвинула лапой ленту трехчастного парика и принялась что-то шептать прямо ей в ухо. Остальные кошки отошли в середину зала и стали обсуждать только что услышанную речь. Черные, белые, серебристые, бронзовые, полосатые, черепаховые, пушистые и почти бесшерстные, длинноухие и гладкоголовые – вряд ли кому-нибудь и где-нибудь доводилось видеть такое количество разномастных и разновеликих кошек. Большинство из них были нарядно украшены бусами, диадемами, брошами, на некоторых сверкали богатые ошейники – символ принадлежности хозяину. Впрочем, для Египетского зала в таком количестве кошек как раз не было ничего удивительного.

Кошка в Древнем Египте слыла животным священным, почитаемым и уважаемым. Еще неутомимый Геродот удивлялся, что кошке не только принято уступать дорогу, но и при пожаре египтяне спасают в первую очередь ее, как самое ценное, а уж потом выносят, если успеют, домашний скарб. За убийство кошки, даже нечаянное, – смерть. Кошку холили, лелеяли, оберегали. Если же она умирала, в знак траура все домочадцы семьдесят дней обрезали волосы и выщипывали брови. Кошка считалась безусловным божеством – священным существом, отвечающим за плодородие и деторождение. Ни одно животное не имело столько храмов и мест для поклонения, как кошка. Флешмобы перед храмами с пением, музыкой, плясками в честь священных кошек собирали до миллиона человек! Поэтому жалкие сборища на

Дворцовой с сотней-другой дрыгающихся и жеманничающих переростков вызывали у обитателей Египетского зала лишь саркастические ухмылки.

Один из воинов 28-й династии с разрисованной стелы как-то рассказывал соседям о поражении египетского войска исключительно из страха навредить кошкам.

В 525 году до новой эры персидский царь Камбиз с огромным войском двинулся на завоевание Египта. Возле укрепленных стен города Пелусия персы встали: сверху на них летели тучи стрел – ни укрыться, ни увернуться. Супостаты чуть было не повернули обратно, но тут Камбиз обратил внимание, что на левом фланге большой кусок земли не обстреливается – лучники стараются это место миновать. Пригляделся и увидел там несколько кошек. «Эврика»! – вскричал Камбиз и тут же, подлый безбожник, приказал своим бойцам отловить в округе всех кошек и в момент наступления держать этих невинных перед грудью как щиты. Египтяне, конечно, по кошкам стрелять не могли. Ну и... На сто двадцать лет попали. Камбиз стал владыкой долины Нила, основал 27-ю династию, творил что хотел. Хотя все равно поплатился: когда вконец оборзевшие оккупанты стали вершить надругательства над кошками и разрушать их храмы, народ восстал. Восстание Амиртея так с тех пор и зовется кошачьим.

Кошек увековечивали на барельефах, статуях, в украшениях, им посвящали баллады и песни. Боготворили! И конечно же кошки Египетского зала, прибывшие сюда из самых разных храмов, гробниц и святилищ, об этом своем исключительном положении знали и помнили, как и о том, кто такая Мут-Сохмет. Могущественная дочь Солнца, повелительница войны, огненных ветров и смертоносных стрел, властительница болезней, бедствий и эпидемий, насылающая их на людей в наказание за вероотступничество, ложь, предательство. Символ великих испытаний и вселенского ужаса.

Красотка со скарабеем все еще сидела на плече Мут-Сохмет, поглаживая лапой парик и что-то нашептывая в ухо. Сохмет слушала отстраненно, будто из вежливости, потом вдруг резко дернула плечом, однозначно указывая красавице, что аудиенция окончена, и снова обратилась к присутствующим.

– Надеюсь, большинство понимает, что бывает с теми, кто противится воле Сохмет? Сейчас каждый из вас должен вспомнить и рассказать присутствующим о каком-нибудь из моих подвигов. Писарь, – она кивнула на барельеф с застывшим в раболепном страхе мужчиной, – составит список желающих. Кто первый?

После секундного замешательства кошки стали выстраиваться в очередь, демонстрируя готовность к исполнению приказа, но по тому, как настойчиво и упорно они пытались уступить место друг другу, толкаясь и расшаркиваясь, любой бы понял: первым быть не хочет никто.

В момент этой суматохи у лестницы, ведущей в верхние помещения дворца, едва заметно колыхнулся воздух, будто ветерок, возникший у нижней ступени, метнулся наверх невесомым кошачьим хвостом, крутнулся легким вихорьком на повороте и истаял в темноте длинного коридора. Через секунду тот же ветерок всколыхнул мелкие соринки другой лестницы, сквознячком втянулся в малый тронный зал, долетел до помоста и, собравшись в колкий воздушный пучок, превратился в крошечного человечка.

Каста прикасаемых

На лекторий в большой кошачий подвал собралось сегодня рекордное число желающих. Вряд ли из-за проснувшейся тяги к знаниям, скорее из-за непрекращающегося ливня за окном. Кому охота вымокнуть? Тут же всегда тепло, сухо и вполне комфортно. Начальство сюда заглядывало крайне редко, что радовало не столько самих котов, сколько эрмитажных кошатников: по приказу директора была установлена жесткая численность четвероногих – не более пятидесяти особей, находилось же их тут минимум раза в два больше. Разве уследишь? Сосчитать и то сложно: поди-ка, собери их всех в одном месте для переключки! К местным частенько посторонние в гости наведываются – сначала, вроде, просто отогреться или подхарчиться, потом приживаются, глядь – уже в доску свой, не выгнать. А то и добропорядочные горожане домашнего питомца – больного или просто надоевшего – подкинут.

С одной стороны, директор прав: территория хоть и большая, но ограниченная. А у котов в крови отстаивать свои права на место под солнцем, в данном случае – под дворцовой крышей. Летом понятие «территория» весьма условно, в подвал кошки возвращаются нехотя – на вольном воздухе да на мягкой травке куда приятнее время проводить, тут тебя и угостят, и погладят, и слово приветное скажут, но когда город накрывает непогода, деваться кроме подвала некуда. И тогда начинаются те самые войны за территорию. Результат – разодранные морды, порванные уши, исцарапанные бока. Кошатники, сами коты именуют их котофанами, обходя подопечных, собирают раненых и транспортируют к ветеринарам – на лечение.

Главная из котофанов, самая уважаемая – Галя, по должности – художник-реставратор, по жизни – кошачья мама. Видно, одну из прошлых жизней сама провела кошкой. За день по несколько раз обежит все подвалы. И приголубит, и приласкает, и вкусняшками угостит. Вторая по значимости – Ира, ветеринар. Приходит раз в неделю, если локальных войн не случилось, осматривает глаза, уши, зубы, мажет, капает, массирует. И хоть Ира тоже вполне уважаема, коты все равно доверяются ей с большой опаской: мало ли что! Каждый помнит, как закончился один из прошлых визитов к доброму доктору: явился на осмотр полноценным котом или вполне дееспособной кошкой, а тут – укол, беспамятство, и все! Вся кошачья радость отныне лишь в воспоминаниях. И тогда уже тем более деваться некуда: Эрмитаж – дом родной.

Хоть коты и любят котофанов, но все же с нетерпением ждут конца рабочего дня – свобода!

Сегодня кроме законных обитателей Большого Кошачьего подвала послушать лекторий явилась делегация из Кухонного двора. Образовательный вечер почтили своим редким присутствием и представители Старого Эрмитажа – обитатели Малых подвалов, прилегающих к Большому двору. Дворцовая элита с бельэтажа, как водится, мероприятие проигнорировала.

Пока Снотра готовилась к выступлению и создавала фантомы наглядных пособий, кошки лениво переговаривались, делясь немногочисленными по случаю непогоды новостями.

Мартин, Трофим и Василий жаловались друг другу, что третий день пропускают фотосессии, и, скорее всего, если дождь продлится еще несколько дней, в городе совершенно прекратятся свадьбы: кто ж захочет жениться, когда невозможно сделать ни одного приличного свадебного фото? Фотографы потеряют в заработке, молодожены – в счастье, ведь только последней мыши неизвестно, что для счастья на свадебной фотографии непременно должен присутствовать кот. Мартин. Или Трофим. Или Василий. Неважно, кто из троих, они все одинаково хорошо смотрятся – профессионалы! Котофанам, конечно, это не очень нравится, наверное, просто завидуют, кому нужны на фото незнакомые человеческие лица? Кот – другое дело. Он всегда кстати, потому что – на счастье.

Ветеран Большого Кошачьего, Тихон, вечно улыбающийся ввиду полного отсутствия зубов, любовно вылизывал вялый рыбий хвост.

Поутру, когда большинство соплеменников еще дрыхли, он интуитивно улучил крошечный сухой промежуток меж порциями ливня и выскочил во двор. Вернее, вышел. Бегать Тихон не очень горазд – старые раны. Четырнадцать лет назад котофанка Галя нашла его без сознания, с перебитым хребтом, у эрмитажного шлагбаума. После серьезной операции и не менее серьезного лечения страдалец вполне оклемался и даже попробовал верховодить. Особого сопротивления не встретил, как и особого поклонения, на том и успокоился. Котофанку Галю с тех пор обожал и справедливо считал в дворцовой иерархии самой главной, уж во всяком случае, куда главнее директора.

Поскольку сегодня он оказался возле рабочего места Гали единственным, она, погладив крестника, одарила его целой вяленой рыбкой, невероятного вкуса и запаха. Голову деликатесу Тихон отгрыз сразу, хребет и пузо решил откусать подальше от подвала: мало ли, из своих кто выйдет, тогда что, делись? Залез под портик Атлантов, присел за ступню и позволил себе огромное удовольствие. Хвостик же специально оставил для Сони – кошки болезненной и чувствительной, то есть духовно близкой. Конечно, для Сони он не пожалел бы и большего кусочка, но ей нельзя – после чумки бедняжка мучается печенью. Сейчас, он видел, Соня очень хочет к нему пробраться, но боится по пути оказаться между вновь что-то выясняющими Бихаром и Гоа.

Чего два этих драчуна поделить не могут, никому не ведомо. Котофаны уже их и по разным подвалам разводили, и строжили, и наказывали, Гоа даже к элите как-то отправили – бесполезно. Бихар тут же прискакал: соскучился! Вместе тесно, врозь – никак. С утра не подрались – день насмарку. Шрамы не успевают залечивать.

Пуша из Собачьего двора явился в одиночку. Васька остался сторожить унитазы. В Собачьем тупике котов всего двое и живет, места маловато, да и не пускают они чужаков. Унитазы – числом три – собственный Васькин и Пушкин музей. Местный сантехник притащил сюда отслужившие гигиенические изделия и придал им вид современных произведений искусства – недавней Манифесты насмотрелся: унитаз-фонтанчик, унитаз-клумба, унитаз-телевизор. Получилось «реди-мейд» и инсталляция в одном флаконе. Наисовременнейший уголок Эрмитажа. Посетители тут бывают исключительно просвещенные, способные оценить талант и креативность автора. Вход бесплатный. Но Пуша с Васей, как хранители и, что важно, сопровождающие главной экспозиции арт-объекты, всегда могут рассчитывать на внимание и ласку. С пояснениями не лезут, платные экскурсии втюхать не пытаются: ходи, смотри, наслаждайся, вникай. Ну а в качестве благодарности за приобщение к прекрасному можешь хранителей угостить. Кусочком сыра, колбаской, йогуртом. Что имеешь, то и отдай. Не жадись.

В углу под теплой трубой у лежанки insultницы Пуськи сгрудились главные дворовые сплетницы – Катька, Гюльчатай, Мадонна, Принцесса и Синеглазка. Их квартиры в подвале Старого Эрмитажа, вход через Большой двор, мимо местного секс-символа – статуи лучника. Девчат там живет много, иногда даже они вполне мирно сосуществуют. Пока Рубик не явится. Этот Рубик – исчадие ада, ревнивец, каких свет не видал. Стоит какой из кошек потереться о лучника или мякнуть ему в ухо, забравшись на плечо, Рубик неистовствует. Принимается гонять всех наличествующих. Бьет лапами, кусает за хвосты, тербит за холки. Ощущает себя владыкой гарема, не иначе. На лекторий Рубик не явился, оставшись дома присматривать за распутницами и составлять план мести сбежавшей без его вельможного дозволения пятерке. Об этом как раз кошки и рассказывали Пуське, испрашивая у нее совета, как сжить со свету распоясавшегося котяру.

Словом, дворовые собрались не все, но в изрядном количестве.

Снотра строго оглядела присутствующих, постучала хвостом, призывая к тишине.

– Начинаем. Все ли выполнили домашнее задание?

– Какое? – искренне удивился Трофим, прогулявший прошлый урок ввиду крайне уважительной причины.

Свадебная компания, уже вдоволь нафотографировавшаяся днем, решила пойти на ночные съемки, и счастливый жених на всю набережную требовал подать к столу (походную самобранку умело накрыли прямо на парапете) ТОГО САМОГО кота. Тем самым был Трофим. Услышав зазывные вопли, он не преминул явиться – работа есть работа. Невеста нацепила на него надоевшую фату, жених взял на руки, предварительно отогнав новоявленную супругу: куда лезешь? Не видишь, я уже с невестой!

Фотосессия проходила бурно и эффективно. Трофим вдоволь накушался икры, слизывая ее с бутербродов, отведал ветчинки и буженинки, от настойчиво предлагаемого вискаря наотрез отказался: на работе не пью – и залакировал дружеский ужин солидным ломтем мало-солевой семги. Домой едва дошел – тяжелоатом, зато вернулся, как и был на празднестве, в фате. Благо вечер к тому времени серьезно перешел в ночь, и на волочающийся по асфальту аксессуар никто из редких прохожих не наступил.

После столь тяжелого рабочего дня было не до искусства. Трофим зарылся в белую пену фаты и уснул. Утром, пробудившись, понес фату в подарок своей давней симпатии – рыженькой Морковке, но по пути был перехвачен разгневанным Рубиком.

Вступать в бой Рубик не рискнул, субординацию понимал: Трофим – не кошка, можно огрести по полной программе, а если еще и Василий с Мартином на подмогу явятся... Да, драться не стал, но от собственной подлой натуры куда денешься? Прыгнул, выхватил фату – и деру. Трофим рванул за ним, догнал, сцепились. Беспризорная фата немножко поскучала рядом, а потом раз – и взлетела. И не куда-нибудь, на самую крышу, полетала, выбирая, куда приткнуться. И пристроилась на самую красивую голову – к Афродите. Афродита обрадовалась нечаянному подарку, за пальцы зацепила, чтоб ветер не отнял.

Через пару часов вокруг Эрмитажа образовалась толпа, на набережной даже движение встало: «Чудо! Чудо! Смотрите! Афродита в фате! Это знак!»

К чему этот знак, что несет, никто почему-то даже предположить не попытался. Просто радовались. Любовались. Пока полиция не разогнала.

Директор целое расследование учинил: как фата на скульптуре оказалась? Неужели снова руферы? Охране влетело, крышу несколько часов на предмет повреждений обследовали.

А к вечеру в «Инстаграме» появились свадебные фотки. И на них – Трофим в той самой фате. Во-первых, стыдно: все-таки кот, не кошка. Во-вторых, свадьба с женщиной, еще более неприятное событие – несмотря на давнее членосечение, Трофим считал себя натуралом. В-третьих, фотографии увидела котофанка Галя и все поняла. Вытащила Трофима за шкуру из подвала, заперла у себя: никаких фотосессий целую неделю. Наказан.

Потому Трофим о домашнем задании и не знал. Зато Снотра хорошо знала историю про фату и не удержалась:

– Даже некоторым молодоженам не помешает небольшая толика знаний, чтобы было что детям передать.

Ляпнула, конечно, про детей – не подумав. Трофим же был уязвлен в самое нутро...

Кошки завертели головами: о каких молодоженах речь? У кого это тут могут быть дети? Трофим оскорбление стерпел, сделал вид, что тоже не понял. Хорошо, шерсть пока не подводит, густоющая, не то все бы увидели, как в краске зашелся.

– Ну так что? – еще строже поинтересовалась Снотра.

Домашнее задание на этот раз было предельно простым: всего-то и требовалось – навесить котофанку Галю и взглянуть на картину, висевшую на стене. Матисс. «Танец». В отличие от громадной эрмитажной, эта репродукция раскрывала истинную суть картины, доступную лишь самому художнику да немногим посвященным: вместо мускулистых мальчиков на ней танцевали плотоядные коты.

– Мы ходили! – крикнули Гюльчатой и Синеглазка.

– Я уже сто раз видал, – сообщил Мартин.

– А я двести, – хвастанул Бихар.

– Врет, – радостно заложил Гоа. – Его Галя к себе не пускает.

Бихар тут же вломил доносчику лапой, тот в долгу не остался. Однако привычной драки не случилось: хвост Снотры прочертил в воздухе резкую черту, и коты мячиками разлетелись по разным сторонам прохода.

– Еще один такой случай – превращу в мышей, – пригрозила Снотра.

– Уж и пошутить нельзя, – немедленно сдался Бихар. – Мы же играем.

– Мне очень, очень понравилось это произведение, – проникновенно проговорил Гоа. – Я бы сказал, это величайшее творение мастера.

– Отлично, Гоа, – похвалила Снотра. – Скажи, дружок, сколько котов там танцует?

Кошки захихикали, Гоа смутился, занервничал.

– Да он же считать не умеет! – выкрикнул Бихар. – Это все знают!

– Вот как? – поразились Снотра. – Значит, следующий урок посвятим арифметике. А сегодня поговорим о современной живописи, – развернула к кошкам один за другим три живописных фантома. – Начнем.

– Извините, – возник в дверях встревоженный кот необычного камуфляжного окраса, в просторечье именуемого черепаховым. – Снотра, тебя срочно вызывают в Тронный зал.

– Что за спешка? У меня урок. Позже. – Снотра недовольно взглянула на нарушителя, немедленно признала в нем кэльфа Богарди из службы безопасности. – Что-то случилось?

– Да... Нет... – тот смешался. – Скорей, все уже собрались.

– Я отлучусь ненадолго, – Снотра оглядела умирающих от любопытства котов и кошек. – Но это совершенно не значит, что вы можете проводить время в праздности. Прошу внимательно изучить представленные работы. Матисс, Шагал, Сезанн.

Военный совет

– Ну что? – накинулись на запыхавшегося малютку присутствующие, занявшие все пространство тронного возвышения. На первый ошарашенный взгляд могло показаться, что кто-то вывалил на помост склад отдела кукол игрушечного магазина. На самом же деле это были вполне живые люди, только очень маленькие, ну примерно такие, если б смотреть на обычную толпу сквозь уменьшающие окуляры бинокля. Впрочем, если приглядеться совсем уж пристально, то можно было заметить, что полностью людской внешностью обладали не все. У некоторых человеческие тела венчали красивые кошачьи головы, у других, наоборот, переведи взгляд с чудной красоты лиц, не поверишь глазам: все остальное – кошачье, грациозное, изящное, но – кошачье. Третьи же вообще – совершеннейшие кошки.

На алом бархатном троне, поставив ноги на перекладину и подперев щеку кулачком, в темно-синем строгом костюме сидела женщина. Шонхайд, главная кэльфиня.

– Снотра? Позвал?

– Я уже здесь, – отозвалась от двери вошедшая в этот момент Снотра, уже совсем не кошка, как недавно в подвале, а золотоволосая крошечная кэльфиня, ростом меньше большинства присутствующих, в черных брюках и черном же свитере.

– Друзья, – обратилась к собранию Шонхайд, одним своим словом гася искры вопросов, которые уже достаточно накалили воздух в зале. – Прежде чем мы начнем наш совет, определимся: в каком виде проводим собрание. Как помните, закон предписывает кэльфам во время серьезных обсуждений иметь единый вид, чтобы не отвлекаться на частности. Итак, – она улыбнулась, – снимаем шубы и шапки, жарко.

Несколько секунд в зале раздавалось легкое шуршание, словно ветерок играл конфетными фантиками, над некоторыми ступенями помоста появился серебристый дымок. Когда же все стихло и рассеялось, оказалось, что кошачьи головы и тела исчезли, и теперь все пространство помоста занимают светловолосые, синеглазые, красивые и очень молодые на вид крошечные люди. Жесты, повадки, выражения их лиц однозначно говорили – это вовсе не дети. Джинсы, свитера, платья, юбки – привычная городская одежда, только очень хорошего качества, явно не из китайско-турецких бутиков. Общим у присутствующих было одно – обмотанные вокруг шеи шарфы – дымчатые, переливающиеся, меняющие цвет в зависимости от настроения хозяев. Сейчас все они мерцали приглушенно-серым в черный отлив траурным светом.

– Отлично, – оглядела зал красавица с трона и кивнула взволнованному человечку: – Продолжай, Роб.

– Ее колени, – кэльф все еще задыхался от бега, – они краснеют... Беды не миновать.

– Надо идти к котриффею. Другого выхода, похоже, нет.

– Открыться? Нарушить все правила?

– Однажды мы уже ходили к котриффею, Шона, помнишь январь сорокового, прошлый век?

– И что? – Женщина на троне вздохнула. – Он-то поверил, почти сразу стали делать ящики для экспонатов, описи. Год в Сампсониевской церкви плотники трудились. А на второй день войны уже и упаковку коллекций начали. Через неделю первый эшелон в эвакуацию ушел. С самым драгоценным. Нет, котрифей тогда все, что мог, сделал. Если б не он, Фимбульветер и нам бы не пережить.

– А в семьдесят девятом? Вспомните...

– Тогда другой котрифей был. Но тоже поверил.

– А толку? Сколько мальчишек полегло. У смотрительницы из Античного зала внук, у реставратора-механика сын...

– Нас-то не коснулось, хотя могло, если б разрослось.

– Сейчас может разрастись.

– Давайте так, – Шона подняла руку, прекращая споры, встала. – Котрифей – последнее дело. Сначала сами. Похоже, мы ухватили самое начало. Сохмет только-только начала просыпаться. Надо поговорить с Баст. Конечно, на свою сторону мы ее не перетянем, но можем помочь ей проявить свою силу, наполниться любовью, заставить Сохмет вспомнить, что Бастет – ее вторая ипостась, добрая, светлая. Многократно бывало: Баст пересиливала Сохмет.

– Баст и сама уже пыталась, – грустно сообщил кэльф-лазутчик. – Пока я там был, она все время уговаривала, и по голове гладила, и на ухо что-то шептала.

– А Сохмет?

– Скинула с себя, да и все. Как сор с плеча смахнула.

– Тем более нужно помочь ей вспомнить, что она и Бастет – единое целое.

– Да как?

– Сохмет должна заснуть. Только тогда Баст сможет ее одолеть. Если мы не утихомирим ее в это полнолуние, то к следующему она обретет всю свою силу и с ней уже не справится никто. Ветры и вести с Востока, льющаяся там кровь напоили ее преждевременной силой. Если Сохмет возьмет власть, не будет ничего – ни дворца, ни города. У нас в запасе всего два способа. Они всем известны. Насколько покраснели колени?

– Очень, очень покраснели! Прямо пылают!

Кэльфы взволнованно зашумели.

Серо-рыжий котенок, уже не малютка, но еще и не кот, скорее подросток, длинноногий и долготелый, все это время тихо сидевший за углом помоста, наострил уши и напрягся. Конечно, ему очень хотелось взглянуть на ужасную Сохмет, но вход в Египетский зал был запрещен бабушкой Шоной строго-настрога. Однако значительно сильнее, чем услышанные страшилки, котенка возбуждало само слово «красный». Он, понятно, давно знал, что в природе существует красный цвет. Но вот какой он – красный? Бабушка Шона предупреждала, что красный цвет он увидит, когда повзрослеет. Увидит красный – значит, вырос. Значит, началось превращение из обычного котенка в кэльфа.

«Когда?» – каждый день спрашивает он. «Скоро, мой кэльфеныш, – улыбается бабушка. – Точно никто не знает, как природа распорядится, видишь, у тебя уже одна половинка рыжеть начала. Станешь Красным котом, предводителем рода, свяжу тебе шарф-невидимку».

А как узнать, что ты уже повзрослел, особенно если сам давным-давно чувствуешь себя взрослым, а красный цвет все не встречается? Серый, зеленый – пожалуйста, даже синий и желтый, а красный? Может быть, он уже его видит, только не знает, что это он? Вот Тронный зал – помост, сам трон – какого цвета? Никогда точно не скажешь. То ли серо-зеленый, то ли зелено-голубой. Правда, в последнее время, если пристально и долго всматриваться, то цвета начинают колыхаться и перетекать, и что-то такое проявляется в их смешении странное, волнующее, непонятное. Если б колыханье остановилось, все бы стало ясно, так ведь нет! У кэльфов все так. Непонятно и текуче. Волшебники. Может, специально от него красный цвет прячут? Типа, малыш! Ничего, он тоже станет кэльфом... и волшебником... самым лучшим! Самым сильным! Бабушка сказала, что его появления сто лет ждали. Зря, что ли, назвали Мимиром? В честь прапрадеда, который тутошнюю колонию основал и был провозглашен первым котриархом. И он будет котриархом. Когда вырастет. А вырастет, когда увидит красный. Тогда же в нем пробудятся все знания рода. О, кажется, говорят о нем...

– Конечно, Красный кот мог бы ее усмирить. Он – единственный, кого она слушается, поскольку видит в нем Ра. Мы все с вами читали «Книгу Мертвых». Помните, кто каждую ночь побеждает гигантского змея, несущего зло, тьму и хаос? Бог солнца Ра, Великий кот, Красный кот.

– Но Мимир... – все зашевелились, ища глазами котенка. Он тут же принялся вылизывать собственный бок, словно ничего не слышал.

– Да, – Шона протянула руку и ласково потрепала котенка за уши. – Красный кот, так заведено, рождается только раз в столетие. Конечно, если б сейчас был жив Ронни... – Шона сжала губы, проглотила горький комок в горле. – Мимиру расти и расти. Именно Ронни, его отец, должен был обучать Мимира искусству быть настоящим Красным котом. Увы. Боги распорядились иначе. Мимир... какой Мимир? Мимишка, кэльфёнок... Слава богу, понемногу начал краснеть, даже пока не краснеть – рыжеть, видите, одна половинка туловища уже поменяла цвет, надо ждать, пока порыжеет вторая, и только потом... Думаю, это произойдет не раньше, чем ему исполнится год. По крайней мере, прежде бывало именно так. Поэтому на Мимира надеяться нечего. Сейчас его надо просто беречь. На ближайшие сто лет он – единственная наша надежда.

– Может быть, кому-то из нас обернуться Красным котом и припугнуть Сохмет?

– Она отлично знает всех нас, ее не проведешь. Посылать же кого-то из вас на верную смерть... Хотя... – голос Шоны странно дрогнул, она отвернулась от внимательных глаз кэльфов. Котенку показалось, что по щеке бабушки быстро-быстро скатился прозрачный блестящий камушек. – Если мы не усмирим Сохмет... нет, не так. – Шона вытерла щеки, гордо вскинула голову. – Мы должны усмирить Сохмет и дожидаться взросления Красного кота. Обязаны. Только так мы сохраним свой род и свой дом – вот этот дворец, который триста лет создавали и хранили мы и наши предки. Другого дома у нас нет.

– Шонхайд, – кто-то назвал Шону полным именем, так к ней обращались лишь в исключительных случаях, – но если не Красный кот, то что? Какой выход? Ты сказала, что Сохмет должна перевоплотиться в Баст. Как?

– Есть выход, – раздался голос из глубины зала. Снотра вышла вперед. – Я поражаюсь вашей лени, дорогие собратья. Когда и кто в последний раз обращался к книгам? Да, все вы – волшебники, но нельзя пренебрегать знаниями, которые не имеют отношения к вашей сегодняшней жизни. Давно пора понять: лишнего знания не бывает.

– Снотра, кончай лекцию читать, мы не эрмики, – выкрикнули из зала. – Это тебя мудрой называли, а у каждого из нас своя работа.

– Вот-вот, – кэльфиня хмыкнула. – Как бы вам всем ее не потерять!

– Нам, Снотра, нам, – укоризненно поправила ее Шона, – не время ссориться, говори!

– В позднем мифе о наказании богом Ра непокорного человечества Сохмет бесчинствовала, избивая людей и сживая их со света. Она так разошлась в своей ярости, что даже Красный кот не мог ее остановить. Тогда боги пошли на хитрость: пролили на землю красное вино, Сохмет, приняв его за кровь, принялась жадно пить, пока не свалилась без чувств. – Снотра высокомерно оглядела притихших кэльфов, явно ждущих продолжения. – Все.

– Все? – заволновались собравшиеся. – Как – все? И где же выход?

– Я вам только что его показала. Мы должны напоить Сохмет. И когда она отключится и заснет, в ней пробудится Баст.

Кэльфы снова зашумели, обсуждая услышанное.

Котенок, упорно дожидавшийся, когда бабушка перестанет обращать на него внимание, решил, что настало самое время улизнуть и прокрасться в Египетский зал. Если они усмирят Сохмет, то красный цвет с ее колен исчезнет, и он снова его не увидит. Лучше уж сейчас под шумок быстренько сбегать и вернуться. Конечно, потом он все честно расскажет бабушке. Что не побоялся Сохмет. Что увидел красный. Значит – вырос! И хватит обращаться с ним как с малышом. Он не Мимишка. Он – Мимир!

Потихоньку пятясь, будто потягиваясь, помогая себе хвостом, словно играя, котенок дополз до двери и, как только хвост коснулся косяка, выпрыгнул в коридор.

Побег

Мимир выскользнул незамеченным и понесся по дворцу. Мчался, весело подсакивая, пугая молочные тени на стенах, закручиваясь на двух лапах в лужицах фонарного света, щекоча усами приветливо выпрыгивающие песчинки с ковров. Бегать вот так свободно, без присмотра, самому, прежде ему не доводилось. Не разрешалось. Кроме себя самой бабушка Шона позволяла Мимиру путешествовать по анфиладам Эрмитажа лишь с одним кэльфом – профессором Лираем. Лирай, из немногих, владел совершенной методикой пробуждения кэльфийского зренья и восстановления исторической памяти, то есть, как говорила бабушка, возвращал кэльфу кэльфово. Кроме того, он профессионально разбирался в искусстве, почти так же хорошо, как Снотра, и именно при его непосредственном и личном участии появилось множество шедевров и даже целые коллекции. Да что говорить, сам Эрмитаж стал Эрмитажем, то есть картинной галерей, исключительно благодаря Лираю.

Если верить историкам-людям, то самые первые шедевры – коллекция купца Иоганна Гоцковского в двести двадцать пять великих картин – появились у Екатерины Второй благодаря стараниям русских дипломатов. А кто надоумил дипломатов? Кто подсказал им, что в прусской казне после Семилетней войны мышшь повесилась с голодухи и у Фридриха Второго, для которого купец эту коллекцию собирал, не только на картины – на гвоздь, чтоб их повесить, денег нет?

Русские войска брали Берлин три раза. Это все знают. В тот самый первый раз, при Елизавете Петровне, армия в Берлин вошла, расквартировалась. Этот самый Гоцковский, чисто олигарх при Фридрихе Великом, скупил за векселя российское зерно, чтобы русской же армии и перепродать, с немалой выгодой, конечно. А тут в России смена престола. Елизавета Петровна безвременно почилa, и Пётр Третий, преданный почитатель Фридриха, приказал войска из Берлина отозвать. Армия-то ушла, а Гоцковский со своими запасами остался. Векселя подписаны, денег, чтоб рассчитаться за зерно, нет, и забирать его обратно Россия отказывается...

Чем долг покрывать? Гоцковский ужом вертелся, стараясь выкрутиться. О том, чтобы живописной коллекцией расплатиться, поначалу даже речи не было, Фридрих её уже своей считал. Тут-то эльфы и подсутились. Альвис, заботясь о своих внуках, в России обосновавшихся, предложил рассмотреть вариант перемещения собрания Гоцковского в Петербург.

Не все шло гладко. Европейские эльфы, консерваторы и домоседы, весьма противились перетеканию сокровищ живописи в неизвестную варварскую Россию. В прессе развернулась масштабная дискуссия: отдавать или не отдавать шедевры. Опасались за сохранность, понятно. Но в любом обществе всегда находятся те, кто двигает жизнь, расширяя границы сознания и познания. Образовалось целое движение «Кэльфы, вперед!», продвигающее философскую доктрину о необходимости расширения эльфийской зоны влияния. Одни из самых уважаемых представителей эльфийской элиты – Санга и Съёвн, родители первых российских колонистов, неустанно пропагандировали сложившуюся в далекой стране новую историческую общность – кэльфийский народ, рассказывая об их жизни, занятиях, обычаях. В конце концов, как всегда бывает у эльфов, победило благоразумие, и общее решение: «надо делиться» – устроило всех. Ну а дальше – дело техники.

Европейские эльфы, по настоятельной просьбе Лирая, морочили Гоцковского: отдай картины в счет долга, честь дороже! А кэльфы в Петербурге Екатерине мозги вправляли: бери живописью, не прогадаешь! Честно говоря, Екатерина сомневалась: российская казна после войны тоже от золота не ломилась, но Лирай крепко внушил: «понты дороже денег»! А чтоб Екатерина не передумала, целую операцию разработал, в кэльфийских Летописях она так и называется: «Обретение шедевра».

Снотра (она в дворцовых кладовых каждую шелку изучила), знала, что в одной из них пылится Рембрандт, «Давид и Ионафан». Пётр Великий из второго путешествия по Голландии привез. Тогда на аукционе собрания Яна ван Бейнингена в Амстердаме котриатор скупил сто двадцать картин. Потом еще столько же в Бельгии, да английские купцы по его заказу еще сто девятнадцать прислали.

В основном картины были на морские темы – корабли в море, корабли на рейде, корабли у пристани. Особенно радовал Петра Адам Сило. По его картинам котриатор экзаменовал молодых мореходов, настолько тщательно и подробно художник выписывал устройство кораблей. На других полотнах – бытовые сценки, их котриатор тоже обожал, ну и птицы-звери имелись. А вот Рембрандт был единственный. Вряд ли вообще Пётр на него внимание обратил, если б не эльфы.

Полотно грустное, художник писал его после безвременной кончины любимой своей Саскии, может, потому в запечатленной там сцене прощания у камня Азель, символизирующего разлуку, у царевича Ионафана лицо самого художника, а в золотоволосом Давиде легко угадывается Саския...

Рембрандта вместе с остальными живописными приобретениями разместили в Петергофском Монплезире – первой в России картинной галерее. Потом Елизавета Петровна забрала полотно к себе, знала, что это любимая картина батюшки, хотела повесить в новом Зимнем дворце – не успела.

Снотра, обнаружив шедевр, тут же доложила Лираю. Тот несколько ночей Екатерине сны показывал, как она в эту кладовую заходит, как находит чудо.

Зашла. Увидала. Обомлела.

«Знамение, – говорит, – это обо мне картина! Сколько друзей я потеряла из-за людской зависти! Сколько раз сама, как Давид, на волосок от гибели была! Все. Буду свой музей создавать, как при лучших дворах Европы».

Почему-то в России бытует легенда, что Екатерина обнаружила не Рембрандта, а Рубенса – «Снятие с креста». Откуда эта ошибка взялась? Кто выдумал? Рубенсовский шедевр много позже, при Александре Первом появился. Точно по поговорке: слышали звон, да не знают, где он.

Александр о приращении эрмитажных коллекций весьма заботился. До войны с Наполеоном, когда императоры чуть ли не дружили и Бонапарт даже сватался к сестре российского самодержца – Екатерине Павловне, котриатор избрал себе в консультанты директора Лувра Денона. Не зря. Денон помог купить несколько первоклассных полотен, среди них – чудесный «Лютнист» Караваджо.

Разгромив Наполеона, Александр, прибывший в Париж, на правах победителя вполне мог конфисковать шедевры, ранее захваченные Бонапартом по миру, их во дворце Мальмезон было немерено. Скульптуры, картины, фарфор, оружие – все высочайшей пробы, каждая единица – сокровище. Однако котриатор мародерствовать не стал. Напротив. Узнав, что супруга Наполеона, Жозефина Богарне, бедствует, предложил ей продать часть богатейшего собрания. Так и оказались в Эрмитаже два великих «Снятия с креста» – рубенсовское и рембрандтовское. И несколько великолепных скульптур Антонио Кановы – оттуда, и таинственная, до сих пор никем не разгаданная камея Гонзага.

Так что не всем легендам надо верить, особенно если они касаются такого удивительного места, как Эрмитаж.

Дальше административная рутина: депеша дипломатам, переговоры, торг, договор. Триста семнадцать картин приехали из Берлина. Триста семнадцать, не двести двадцать пять, как сейчас историки пишут. Сосчитать нормально, и то не могут, люди, что с них взять? Сейчас из тех, первых, всего штук сто осталось. Но тот год – 1764-й – считается годом основания Эрмитажа.

Две картины из той знаменитой коллекции – Голциус, «Адам и Ева» и «Крещение Господне» – сейчас встречают гостей при входе в Овальный зал. В Голландском – Франс Хальс и другие нидерландцы красуются.

Екатерина, кстати, до самой смерти считала, историки и на это купились, что Эрмитаж прирастает благодаря гениальным советчикам: философу Дидро, скульптору Фальконе, дипломату Голицыну. Дескать, они высматривают шедевры, торгуются, помогают приобрести. Но кэльфам-то известно, как все происходило на самом деле!

Вот, например, безусловный эрмитажный, да что там эрмитажный, мировой шедевр «Возвращение блудного сына» Рембрандта – чистой воды подарок Альвиса, родного деда Шоны.

Ценность, вернее, бесценность этого полотна Альвис сразу понял. И загорелся: пусть «Блудный сын» рядом с «Давидом и Ионафаном» будет. В России. Приводил князя Голицына, эмиссара Екатерины Второй, в мастерскую к Рембрандту, сырую, мрачную, темную, когда художник еще работал над полотном, дескать, выкупай на корню, шедевр!

Рембрандт в то время был страшно одинок – никого из родных не осталось, все ушли в мир иной вслед за Саскией, современники его картины не понимают и не принимают: слишком трагичен и тяжел для веселых и беззаботных голландцев. Только эльфы ночами и поддерживали его силу духа, внушая живописцу, что слава его найдет, она уже на пороге! Увы, за порогом этим оказался иной мир. «Возвращение блудного сына» стало последней работой гения.

Голицын тоже сразу полотном оценил, но пока ждал завершения работы, к художнику нагрянул французский дипломат Шарль Кольбер, знаток и ценитель, да, не торгуясь, сразу и купил. «Блудный сын» отбыл во Францию и занял почетное место в галерее Кольбера. Голицын, конечно, локти кусал, да поздно! Однако не таков Альвис, чтоб от намеченного отступить. Снова стал наущать князя сторговать картину. Кольбер ни в какую!

Годик подождали. Альвис французских эльфов подключил. Те надоумили Кольбера подарить картину дочери – супруге Андре д'Ансезена, герцога де Кадруса, тоже известного собирателя.

Теперь Голицын стал уже к д'Ансезенам клинья подбивать. Те тоже ни в какую! Еще год прошел. Так бы и остался Эрмитаж без «Блудного сына», если б д'Ансезен серьезно не заболел. Не до картин ему стало. Французские эльфы сообщили об этом Альвису, Альвис тут же отыскал Голицына: пора! Или сейчас, или опять уйдет в чужие руки. Тем более что уже сам французский король на картину зарился.

Короче, через три года слежки и погони шедевр оказался в России. Рембрандту – слава, Голицыну – почет, эльфы довольны, а кэльфы, понятно, вообще счастливы! Такое чудо в коллекцию заполучить!

Альвис за время этой рембрандтовой эпопеи к князю Голицыну очень проникся, еще бы, столько знаний в его голову вложил! Много других великих полотен помог ему отыскать и купить, даже попросил кэльфов, чтоб они надоумили Екатерину передислоцировать Голицына из Франции послом в Гаагу. Во-первых, большинство шедевров создается и продается именно в Голландии, а во-вторых, когда человек поблизости, руководить всяко сподручнее. На пользу разрастающемуся российскому собранию шедевров.

В Амстердаме на аукционе князь сторговал для котриатрицы чуть ли не всю знаменитейшую коллекцию Геррита Браамкампа «Храм вкуса». Кэльфам эту радость сообщили, Екатерина уже и место для полотен подготовила.

Везли б по суше, как Пётр Первый всегда делал, и сейчас Эрмитаж этими картинами бы хвастал: разве б эльфы такую ценность без присмотра оставили? Но Екатерине не терпелось – морем быстрее. Погрузили коллекцию на корабль, эльфы, понятно, даже ногой на него не ступили – вода не их стихия. Две трети пути проплыли, и тут такой штормяга ударил – небо с землей перепутались. Затонуло судно. Вместе со всеми сокровищами затонуло...

«Потеряно было всего 60 000 червонцев, – жаловалась Екатерина Вольтеру. – Надобно обойтись без них; в нынешнем году я имела несколько неудач в подобных случаях. Что делать? Остается только утешиться».

Через сто лет корабль нашелся. Не корабль, конечно, то, что осталось, да и это не в России – финские территориальные воды. Понятно, что коллекции Браамкампа больше нет – растворилась в крепкой морской соли. Альвис по сей день себе простить не может, что не настоял на сухопутной транспортировке. Да что уж теперь...

Подлинную историю Начала Эрмитажного Собрания полагается знать каждому кэльфу, и Лирай, конечно же, начал свое обучение именно с нее, поэтому Мимир оказался осведомленным во всех подробностях. Особенно его веселили рассказы, как Лирай выгонял из спальни Екатерины Григория Орлова, тогдашнего бойфренда.

Лираю для работы нужно, чтоб императрица уснула, а с Орловым – какой сон? Сюси-масюси, любовь-морковь. Так Лирай мурашей-невидимок по простыням пускал. Екатерине ничего, а Орлова до того искушают – в кровь себя издерет. «Чесотка, что ли, у тебя?» – Екатерине противно: что за любовник – весь в заразе. Иди, говорит, голубчик, к лекарю, завтра свидимся. Ну Орлов дня три волдыри мазями лечил, Лирай за это время императрицу и обработал.

Мимир хихикает, вспоминая эту историю: он тоже научится мурашей пускать. А еще котов оживит, которые по стенам. Вот их сколько! Вся Иорданская лестница лепными кошачьими хвостами украшена. Золотые! Эрмитаж – кэльфийский дом. Этого только глупый не увидит. Амуры под потолком дразнятся: в двуглавых цыплят табака вцепились, держат, высоко, коту не допрыгнуть.

Растрелли, всем известно, очень котов уважал, его любимец дома остался, так он, тоскуя, везде его увековечивал. Да что про Эрмитаж говорить, если весь Петербург – кэльфийский город. На герб глянуть – уже ясно. С екатерининских времен на гербе кошка. Понятно, зашифрованная, в виде речного якоря, но все равно – кошка! Сколько этот герб ни переделывали, от кошки не ушли. По сей день там красуется.

Мчится Мимир по Эрмитажу, свобода голову кружит, сам себе с каждой секундой кажется взрослее и смелее. Через гобеленовые галереи надо вообще на сверхзвуковой скорости промчаться, вдруг кто из сородичей выглянет? Запросто могут. На собрании далеко не все, а каждая вердюра, шпалера каждая – вход. Куда, куда, в страну кэльфов, конечно. Посетитель по залу идет, любитесь: как мастерски узоры вытканы, листва какая пышная, цветы, звери диковинные, птицы. Ни за что не догадается, что все это живое! А уж о том, что под каждым деревом-кустом кошки прячутся... Кому такое в голову придет? Потому кэльфы это место и выбрали. Райский уголок, вечное лето.

Все юные кэльфята проходят обязательный экзамен на соответствие роду. Технологию Лирай разработал. У кошек ведь как бывает? В одном помете могут оказаться дети от разных котов. А из всех новорожденных, хоть их сразу сто штук, истинный кэльф всегда только один. Но ведь в младенчестве не разберешь, кто есть кто, поэтому экзамен обязателен. Мимир тоже его проходил, хоть его родословная сомнений вообще не вызывала – порядок есть порядок.

– Вот это, Мимир, икона. На них люди изображают своих богов. Вот это младенец Иисус, это его мать... – Лирай говорит и говорит, уснуть можно. Скука! Чего тут смотреть? Тетка разодетая, ребенок голый. Не жалко ей сыночка? – Не отвлекайся! Запомнил, что я сказал? Есть вопросы?

У Мимира вопросов всегда полно.

– А где коты?

– Котов на иконах не изображают.

– Если котов нет, кто ж тогда младенца баюкает? А на кого он смотрит? Вот у этого, как его, Виварини? А у Якопа Пальма Старшего? И у Джорджоне? Там же кто-то есть!

– Кто?

– Сам знаешь, – Мимир лукаво щурится. – Там везде коты. Просто они на деревяшки не влезли. Смотри, у Веронезе в «Святом собеседовании» прямо в центре картины кошачьи следы. Лапы отпечатались. А кошки нет. Потому что собака уже нарисована. Туда, где злая собака, кошка же не придет? А как художнику показать, что он кошек любит? Вот следы и рисует.

Лирай молчит, улыбается. С ним никогда не поймешь, угадал или нет.

– Смотри сюда, – разворачивает Мимира, – знаменитая картина Тициана «Бегство в Египет». Ох, помню, изрядно попотеть пришлось, когда коллекцию Брюля выторговывали. Но – шестьсот полотен пришло. Сам Брюль, министр Саксонский... – опять хвастает, будто Мимир неграмотный и Летописи не читал... Бла-бла-бла, ля-ля-ля... – Спасая младенца Иисуса от преследований царя Ирода, Дева Мария с Иосифом бежали в Египет.

– Куда ж им еще бежать? Конечно, в Египет, из-за кошки...

– Какой кошки? – строго вопрошает Лирай. – Где ты опять кошку увидал?

– Ага! Мальчик, который ослика ведет, кого держит?

– Не кого, а что. Скорее всего, в свертке еда.

– Ха! Еду бы ослик вез. У него там кот спрятан. Тот самый.

– Какой – тот самый?

– На которого младенец Иисус с икон смотрел, который его баюкает по ночам. Сам не видишь, что ли, шевелится же! Почему вы его с картины не выпускаете? Мы бы с ним играли.

Лирай пропускает вопрос мимо ушей. Сам спрашивает:

– А зачем он его прячет?

– Так они ж еще до Египта не дошли. Ты же говорил: даже в Библии кошка под запретом – так евреи все египетское ненавидели.

Лирай снова молчит. Не то улыбается, не то насмехается.

– А младенец Иисус, стало быть, кошек любил?

– Конечно. Он же всегда знал, что Ноев Ковчег кошки спасли. Крысы уже вон какую дырищу в днище прогрызли, затопило бы Ковчег, никто бы не спасся – Всемирный же потоп. Ной своего льва пощекотал, тот как чихнет! И прямо из ноздрей – две кошки. Пока они с крысами разбирались, Ной свой Ковчег починил.

– Молодец, Мимир. – Похвалы от Лирая дожидаться – это что-то! – Дополнительную литературу, значит, осваиваешь? Что еще изучил?

– «Евангелие двенадцати апостолов». – Мимир страшно горд. В кельфийских Летописях этого нет, бабушка ему по старой толстой книжке читает. – Там написано, что, когда Иисус родился, в пещере кого только не было! И бык с лошады, и овца с ослом, и голуби. А под люлькой знаешь кто лежал? Кошка с малыми котятами! Конечно, одного котенка они с собой взяли. Который на картине у мальчика. А потом Иисус, когда вырос, всегда кошек защищал, кормил, поил, на груди согревал. Говорил, что кошки – братья, только маленькие. А тем, кто их обижал, руки отсушивал.

– Что делал? – Лирай аж остановился от изумления.

– Щелкнет бичом, рука – раз! – и как мертвая висит. Будет знать, как животных обижать! Особенно кошек.

– Животных никаких обижать нельзя. Ты же знаешь, кэльфы со всеми дружат, всех любят.

– Даже злых? А Сохмет?

Сохмет. Прямо полыхнуло в голове. Как же он забыл про свой план? Ему же надо увидеть красный цвет! И Мимир, больше не обращая внимания на картины, помчался в Египетский зал. Скатился кубарем по нужной лестнице вниз, пару раз повернул, не успев затормозить перед последним нужным спуском, пересчитал пузом все ступени, проскользил несколько

метров по гладким плитам, остановился вровень с гранитным постаментом. Поднял голову, попятился и вдруг увидел... КРАСНЫЙ!

Цвет мерцающей пыли на коленях Мут-Сохмет был таким неожиданным, непонятым, незнакомым, что Мимир сначала вытянул шею, потом привстал и попытался осторожно потрогать платье Сохмет лапой. Не дотянулся, отскочил назад, поднял мордашку, намереваясь подпрыгнуть, и... наткнулся на живые горящие ненавистью желтые глаза.

Сохмет смотрела на него в упор, не мигая, и с каждой секундой котенок чувствовал, как немеет, становясь бескостным и непослушным, его гибкое быстрое тело. Прилипли к полу лапы, морковкой заоченел хвост, выгнувшейся деревяшкой застыл хребет, приклеились к голове пластилиновые уши. Он больше не мог ни шевелиться, ни дышать.

Найденыш

В Лаборатории реставрации предметов искусства из органических материалов свет горел только над одним столом. Маргарита Владимировна Крюча, эрмитажный реставратор, заканчивала склеивать китайскую безделушку. Собирала она ее как пазл уже три месяца, искала в кладовых фрагменты, которые восполнили бы недостающие части, выискивала нужные сочленения. Наконец именно сегодня совершенно случайно нашлись две витые ручки, и когда Маргарита Владимировна приложила их к своему творению, стало ясно: оно! Правда, назначение собранной конструкции ей самой до конца понятно не было: то ли подставка под цветы, то ли чайный столик, то ли вообще часть какой-то иной, более пространной композиции. Поди разбери тайный замысел китайских мастеров, особенно если со времен создания сей штуковины минула не одна тысяча лет.

Маргарита Владимировна с удовольствием встала, отошла от стола, чтобы полюбоваться возвращенным к жизни шедевром. Теперь, когда эта штука готова, ее предстоит снова разобрать, аккуратно зачистить, покрасить и залакировать каждую деталь, а уж потом собрать снова – набело. И займет она место где-нибудь среди деревянных собратьев в Китайской коллекции. А может, отправится в ссылку – в запасники или вообще сменит место жительства с Эрмитажа на какой-нибудь провинциальный музей, дополняющий свою экспозицию. Подставка – Крюча решила именовать ее так, – высвеченная настольной лампой в полумраке лаборатории, смотрелась изысканно и богато, деревянное кружево казалось таким тонким и ажурным, что, казалось, дрожит от невидимого перемещения теплого воздуха под лампой.

– Ну что, пора домой? – сама у себя спросила Маргарита Владимировна. – Засиделась я что-то. Сколько там? Что? Второй час? Ёлки, опять на такси. Двести рублей псу под хвост. А ты куда смотрел? – обратилась она к молчаливому Будде, стоявшему на соседнем столе.

Будда надменно смотрел сквозь и вдаль. В священном лбу зияла дыра размером с яйцо: когда-то, судя по всему, там сверкал драгоценный камень, из-за которого статую из храма и сперли. Не опасаясь божественного гнева, камень выдрали, Будду бросили, потом кто-то добрый его нашел, отмыл-отчистил, привез из Китая в Петербург. Теперь Будде закажут камень по размеру, не камень, понятно, подделку, кристалл, только вот не решили еще, какого цвета: изумруд, рубин или топаз. Коллега роется в архивах, пытается найти соответствие.

Маргарита Владимировна была абсолютно эрмитажной женщиной. Существует такой совершенно особый статус служителей, которые, появившись в Эрмитаже однажды, пусть и случайно, остаются навсегда, не единожды не помыслив, что ввиду крайне скромной зарплаты (хотя с пенсией в последнее время все-таки стало полегче), огромного опыта и колоссальных знаний вполне могли бы претендовать на какое-то иное место, менее обременительное, более доходное. Эрмитаж становится их жизнью, способом существования. Не смыслом, не местом, а именно способом.

Крюча была как раз из таких.

Пришла сюда двадцатилетней девчонкой сразу после корабелки, вернее, не сама пришла, силком привели – родная тетка Кира, которая тут работала. Смысл насилия над неоформившейся Маргошиной личностью заключался в том, чтобы вырвать дитя из дурной компании. Хотя что дурного в той компании нашли? Молодые художники, музыканты, тусовки, портвейн, споры о книгах, песни, секс до упаду. Весело, ненапряжно – свобода! Пол-Ленинграда так жили. Утром скучнейшая работа в унылом почтовом ящике, вечером Сайгон, потом чья-нибудь квартира, хорошо, если утром вспомнишь – чья. И снова работа.

Маргоша в ту пору была не просто хороша – ослепительна! Небольшого росточка, изящная, будто вырезанная умелой рукой драгоценная статуэтка, длинноногая, талия – пальцем

перещипи, глазищи – голубые топазы на пол-лица, румянец нежнее яблоневого цвета, несмотря на изнурительную ночную жизнь...

Как-то так вышло, что после череды загулов и, соответственно, прогулов юную Крючу с работы поперли. Ни красота не помогла, ни статус молодого специалиста. В трудовой книжке, вот же сволочной народ, оформили соответствующую запись, при виде которой кадровики немногих рабочих мест, куда Ритку заносила неверная судьба, леденели глазами и каменели спинами.

На семейном совете, в котором принимали участие Крюча-мама и ее младшая сестра Кира (Маргарите слова не давали – недостойна), решили, что непутевой девке дорога одна – под теткин присмотр. В Эрмитаж.

Ну и пришла. Пришлось. И неожиданно – прежде всего для себя самой – прижилась навсегда. С тех пор в ее жизни что только не менялось: цвет волос, квартиры, мужа, возраст, время, политический строй, мама постарела, у самой морщинки прорезались, дочка выросла, талия расползлась, кудри поседели, а место работы и способ существования оставались неизменными – Эрмитаж.

Дома, на Фонтанке, в огромной, страшно бестолковой и запущенной квартире, когда-то выгодно выменянной по случаю на две однушки, Маргариту Владимировну ждала старенькая мама (из-за ее сердечного приступа и пришлось сегодня дома задержаться), великовозрастная дочь (который год безработная) на пару с бойфрендом – компьютерным гением и шесть откормленных, безумно любимых и столь же безумно наглых кошек. Одна своя, выращенная с месячного возраста, два помойных найденыша, два тутошних, эрмитажных кота, попавших под очередную раздачу. И шестая, самая дорогая – Вовина. Черная уже очень старая Мадлен, Маргарита забрала ее, когда Вовы не стало. Кошка вполне готовилась уйти вслед за хозяином – почти месяц не пила не ела, лежала, глядя в одну точку, – страдала. Потом понемногу отошла – Маргарита своей любовью отогрела, той, что Вове в свое время по дурости недодала.

Котов и кошек Крюча считала абсолютной себе ровней, а в чем-то и умнее себя. Лучший кусок им, конечно, не доставался – маме, но по домашней иерархии сразу за мамой шли именно они. К многочисленным эрмитажным котам Маргарита Владимировна тоже относилась с почтением, знала их всех по именам, подкармливала, с каждой зарплаты-аванса непременно оставляла на специальном блюдечке в приемной небольшую денежку «на кошек», и, разговаривая с ними, всегда сетовала, что не может больше никого забрать домой: «у меня уже шестеро, если еще кого приведу – саму из дома выгонят». Выгнать ее, конечно, никто бы не посмел – кормилица, но умом она ясно понимала: даже шесть – перебор.

– Молчишь? – Маргарита Владимировна, успевшая накинуть плащ и вытащить зонт – за окнами лило уже вторые сутки, снова повернулась к надменному Будде, – не снисходишь до беседы? Ну и ладно. А то смотри, какую я подставку собрала! Если тебя на нее поставить, здорово получится. Может, кстати, ты в храме на чем-то таком и стоял. Подумай, пока меня нет.

Оглядела лабораторию: все ли в порядке? Отодвинула от края проходного стола огромную лупу – заденет кто случайно, разобьется же! Подняла с пола кусок кожаных с золотом обоев из гарема турецкого паши – кто-то смахнул ненароком. Провела рукой по длинной шее микроскопа, сбрасывая на пол каким-то образом оказавшиеся там крошки печенья, потушила свет, заперла дверь. Проскочила полутемный коридор с моргающими от недосыпа лампочками сигнализации, вошла в Египетский зал – через него к выходу – самый короткий путь.

В зале ощущалось какое-то беспокойство, вроде – полная тишина, ни сквознячка, а по щекам – холод, словно под полом гуляет ледяной ветер. Неуютно, даже жутковато. Ускорила шаг и уже у выхода вдруг споткнулась, словно кто-то сзади схватил за плащ, даже выронила зонтик. Пока сослепу в полумраке шарил под ногами, нечаянно глянула в сторону и обомлела: котенок! Маленький, жалкий, застыл как статуэтка, передние лапы вытянуты, спина выгнута,

будто хочет убежать и не может. Только хвост от этого самого сквозняка из-под плит колыхается.

– Господи, ты откуда? Что тут делаешь? Новенький, что ли? Нельзя тут котам, директор ругаться будет, он у нас знаешь какой строгий! – Подхватила котенка под пузо, он повис на руке, как плюшевая игрушка, не шевельнув ни хвостом, ни лапой. – Да что с тобой? Заболел, что ли? Точно заболел. Тогда тебя к остальным кошкам нельзя. И к моим – тоже. Что ж мне с тобой делать?

Осторожно прижав котенка к себе, дошла до поста охраны.

– Смотрите, кого нашла.

– Выпусти в подвал, там с ним свои разберутся.

– Нельзя, он, видно, болеет. Может, у вас до утра посидит, я коробку принесу.

– Еще чего! Кому охота работу терять?

Охранники котов не любили. Кроме всего прочего, постам вменялось в обязанность не допускать хвостатых дальше порога, а это было ох как сложно, куда сложнее, чем присматривать за посетителями.

– Ну пожалуйста...

– И не проси.

– Гале позвоню, она утром заберет, ветеринару покажет.

– Звони сейчас, если надо. Пусть пристраивает.

– Так поздно уже... Второй час.

– Тогда не звони.

Выхода нет. Набрала реставратора Галю – общепризнанную «маму» эрмитажных котов, главную их опекуницу, понятно, неофициальную, принявшую это хлопотливое бремя не за деньги, а от великой любви к кошачьему племени. Быстро, смущаясь и извиняясь, рассказала далекому сонному уху о найденныше.

– Больной, говоришь, – немедленно проснулась Галя. – Маленький? Не наш? Возьми ключ от моей кандейки, там у меня уже четыре кошки в клетках сидят, к операции готовятся. Переноска пустая на полу стоит, посади найденныша. Только не забудь корма насыпать и воды налить. На всякий случай сонную таблетку запихни, там у меня в столе желтенькие мелкие в пузыречке. Нос щупала?

– Холодный, влажный.

– Глаза?

– Нормальные глаза, и зрачки обычные, нерасширенные.

– Так с чего ты взяла, что он больной?

– Не реагирует ни на что, когда нашла, стоял столбом, на руки взяла, обвис как мертвый.

– Живот проверь.

– Хороший живот, мягкий.

– Ладно, неси в клетку, завтра пораньше приеду.

В кандейке – небольшой кладовке, обитой по всей площади изнутри металлическим листом (когда, для каких целей, почему – никто не знал), в больших клетках спали кошки. На зажегшийся свет они почти не отреагировали, разве что чуть приоткрыли глаза, видно было: животные сыты и спокойны. В точности выполнив указания Галины, Маргарита Владимировна стянула с шеи теплый шарф и, свернув его вчетверо, постелила на дно клетки найденныша: на всякий случай, хотя в кандейке, пожалуй, было даже душновато. Уложила малыша, заперла клетку и только тут, облегченно выдохнув, разглядела, что котенок какой-то странный: половина туловища рыжая, половина серая, и на холке ровно по центру едва различимое белое пятнышко.

– Какой-то ты необычный, никогда такого окраса не видела. Прямо волшебный. Ладно, спи, маленький, не бойся, тут тебя никто не тронет. Утром Галя приедет, она очень хорошая, и я тебя тоже не брошу.

«Не бойся», – Мимир очень услышал эти слова. Так всегда говорила бабушка. И эта женщина тоже была как бабушка, только человечья – большая, почти такая же красивая, как Шона: волосы белые-белые, только короткие, и глаза голубые, как у бабушки. Котофанка! – облегченно вздохнул Мимир, еще не в силах двигать лапами, сумел спрятать нос в складки своей новой подстилки и закрыл глаза. Он так устал, так измучился и перенервничал, что через секунду уже спал.

Беда

Собрание кэльфов заканчивалось вполне спокойно и деловито. Шона распределяла обязанности.

– Поскольку план Снотры общим мнением признан лучшим, на нем и остановимся. До рассвета еще есть время, поэтому сейчас все кэльфы идут на поиски спиртного. Спирт, как мы знаем, есть в достаточном количестве во всех лабораториях. Приказ котриффея предписывает хранить его в запертых металлических шкафах и не употреблять внутрь под страхом немедленного увольнения. Это минус. С металлом нам не совладать. Но. В генетическом коде русского человека заложена тяга к спиртному, и это плюс. Наверняка в какой-нибудь из лабораторий гены пересилили страх, и реставраторы не удержались. А если следовать одной из русских пословиц: «Кофе, чай – не по нутру; была бы водка поутру», то, возможно, в ящиках стола или за портьерами вы найдете недопитый стакан или вообще бутылку. Несите все, даже если на дне остался глоток.

– Опять на котов свалят, – вздохнул кто-то. (В Эрмитаже такое случалось бесчисленное количество раз: исчезнувший спирт ничтоже сумняшеся списывали на хулиганство котов: хвостатые разлили!)

– В удивительной стране живем, – качнул головой Лирай, – спирт хранят в бронированных сейфах, а ядерную кнопку – в пластмассовом чемоданчике.

– Не до философствования сейчас, – остановила Шона. – Может быть, кто-то что-то видел, кто-то что-то знает?

– Кажется, в лаборатории реставрации живописи в урне под столом полная пластиковая бутылочка среди мусора запрятана, – задумчиво проговорила Снотра. – Если не выпили, конечно. Хотя, вроде, это они на утро оставляли, чтобы освежиться.

– Я сбегаяю! – вызвался Роб и тут же исчез.

– Не теряйте время, пожалуйста, – поторопила Шона. – Обшарьте все уголки, но найдите!

Кэльфы один за другим покидали зал. Кэльфини, оставшись без мужчин, грустно молчали.

– Как жаль, что мы не можем сотворить ничего подобного, – нарушила, наконец, тишину одна из них. – А если попробовать?

– Ни один кэльф, даже самый сильный и опытный, не в силах сотворить то, чего нет и никогда не было в мире эльфов. Нектар и амброзию – пожалуйста, а вино... Наши боги наложили это сильнейшее заклятье, чтобы уберечь эльфийскую цивилизацию. И, как мы видим на примере людей, оказались абсолютно правы.

– Неужели никто никогда не пытался нарушить запрет и не попробовал?

– Пробовали, отчего ж. В Летописях приведено несколько таких случаев. Все они закончились одинаково печально: эльфы, сотворившие спиртное и принявшие первый глоток, немедленно превращались в гоблинов. Не будем о грустном. – Шона прислушалась – прикрыла глаза. – Роб уже почти у цели.

Кэльф, совершенно не пытаясь остаться незамеченным, и в самом деле уже неся по галерее гобеленов, где в уголке между шпалер и вердюр таилась неприметная дверь лаборатории реставрации живописи. Почти со всех картин высунулись любопытные кошки, привлеченные неурочным и странным событием. Роб, не обращая на них никакого внимания, просочился через стену, заскочил под стол, стал быстро-быстро рыться в урне.

На пол полетели бумажки, засохшие кисти, баночки из-под йогурта, колбасные шкурки, сломанные карандаши и линейки, жестянка с надписью «Паштет шпротный», стеклянный пузырек «Растворитель», пустая сигаретная пачка «Пётр I», подвявшая толстая змейка огуречной шкурки. Бутылки не было. Роб окинул взглядом замусоренный пол и методично, словно

надеясь отыскать среди разбросанного хлама ту самую бутылку, принялся складывать все обратно. Еще раз огляделся и медленно-медленно, не пропуская ни миллиметра пространства, стал осматривать лабораторию, усиленно принохиваясь. От дальнего окна пахнуло спиртом. Кэльф кинулся туда, откинул портьеру. Ура! На подоконнике за керамическим горшком с печальным кактусом стоял накрытый какой-то фотографией перекошенный хлипкий пластиковый стаканчик, почти наполовину наполненный спиртом.

Бережно прижав драгоценную жидкость к груди, придавив фотографию ладошкой, чтоб не расплескалось ни капли, Роб осторожно выскользнул в коридор. Обратный путь по галерее он проделывал не торопясь, внимательно глядя под ноги. На повороте к лестнице вдруг угадал какое-то движение сзади, обернулся и тут же оказался на полу, сбитый с ног. Стакан отлетел в сторону, опрокинулся, спирт расплылся по полу, съездив по ноздрям и глазам тугим хвостом наиомерзительнейшей вони, фотография на миг зависла в воздухе и плашмя шлепнулась на пол, придавив и без того растекшуюся лужицу. Поднимаясь, Роб успел заметить за углом пушистый кончик серого хвоста. Кот!

Вернулся в зал горестно понурившимся, виноватым, хотя ни у кого из кэльфиных язык бы не повернулся его упрекнуть – наблюдали произошедшее своими глазами.

Стали подтягиваться другие кэльфы, обшарившие все лаборатории и служебные помещения дворца, тоже грустные – никто ничего не нашел.

– Что будем делать, Шона? – вопрос никто не задал вслух, он просто висел в воздухе. Висел и висел, как черная тучка, наливаясь бедой.

– Можно попробовать добыть спиртное снаружи, – робко сказал кто-то.

– Невозможно, – грустно возразила Снотра. – По прогнозу ливень будет продолжаться еще двое суток...

Черная тучка над головами кэльфов становилась все больше и угрожающей, некоторые особо впечатлительные уже явственно различали в ней грозный лик Нарви – великана, породившего Ночь, владыку Нифльхейма – мира мрака и царства мертвых. В ливень, как понимал каждый, из дворца выхода нет. В иное время, когда на улице сухо, любой из кэльфов мог выскочить на улицу, обернувшись котом. Но в дождь... Становясь котами, кэльфы принимали на себя привычки и запреты, свойственные обычным кошкам, а кошка, как известно, воды боится пуще огня. Не столько самой воды, сколько того, что намокшая шерсть тут же потеряет природную термодетекцию, сделав животное совершенно незащищенным от внешнего холода. Этот страх заложен у кошек в генах, а кэльф, приняв облик кошки, обязан слепо повиноваться кошачьему инстинкту самосохранения.

– Ладно, – наконец подала голос Шона, – не будем отчаиваться. В конце концов, у нас в запасе конец сегодняшней ночи, день и завтрашняя ночь.

В этот момент в зал, запыхавшись, вбежал последний из посланных на поиски спирта кэльф. Взволнованный и несчастный, он ринулся прямо к помосту, намереваясь доложить о неудаче. Шона остановила его жестом руки:

– Потом, потом. Мы все уже знаем. Сегодняшнюю ночь, – продолжила она, – прошу употребить на изучение Летописей, может быть, там откроется что-то, упущенное ранее. По всем вопросам к Лираю. Снотра, ты покопайся в архивах дворца. Вполне возможно, подсказка там. Игры и развлечения отменяются. Я попытаюсь связаться с родственниками и посоветоваться с ними. Мимир, пошли. – Шона оглянулась, ища глазами котенка, и обнаружила позади себя совершенную пустоту. – Мимир, где ты?

– Ну я же пытался сказать! – выкрикнул опоздавший. – Мимир в Египетском зале. Стоит как приклеенный у ног Сохмет, не двигается.

Вот это была новость... Пожалуй, самая страшная из всех сегодняшних.

– Он... жив? – едва прошептала Шона.

– Не знаю.

– Шона, возьми себя в руки, – строго прикрикнула Снотра. – Полнолуние завтра. Сегодня у Сохмет не хватит сил даже на убийство котенка. Лирай, пойдем, заберем его оттуда.

– Стойте, куда вы в таком виде? – Шона, кажется, вполне овладела собой. Спустилась к кэльфам, вытянув обе руки, проделала какие-то пассы, прошептала несколько слов. Лирай и Снотра исчезли. – Вот теперь идите. Не хватало только, чтоб и вас там приклеили... – через силу улыбнулась, обернулась к притихшему собранию. – Все будет хорошо. Те, кого не задевал Богарди, могут идти по домам. Не забывайте о моем задании. Я подожду Мимира.

Кэльфы молча покидали зал. Лица их были строги и сосредоточенны. Дождавшись, когда выйдут последние, Шона опустила на ступеньку, прикрыла глаза. Мысленно она проделывала путь в Египетский зал и обратно вместе со Снотрой и Лираем. Конечно, могла бы сосредоточиться и просто увидеть этот путь, но не стала этого делать, решив поберечь силы. Уж кому-кому, а ей ни сегодня, ни завтра и минуты отдыха не предвиделось. К тому же силы надо было поберечь на сеанс связи с родственниками. Занятие предстояло весьма непростое и энергетически затратное.

Если не удастся нейтрализовать Сохмет, печально размышляла Шона, то дворец придется покинуть. Оставшимся в живых, конечно. Каким образом? Вопрос. Лучший вариант – переместиться домой, в Голландию. Но если еще годом раньше туда вполне можно было попасть с какой-нибудь эрмитажной выставкой, то в нынешней политической ситуации это окно в Европу закрылось: Россия и Евросоюз находились в состоянии затяжного конфликта, и культурные связи оказались прерваны.

Второй и последний вариант исхода из дворца – уйти под землю к здешним цвергам. Но в их пещерах, мрачных, сырых, холодных, к тому ж часто доверху напичканных всяким металлическим хламом, который цверги собирают и тащат к себе в норы со всех концов, кэльфам зиму не пережить.

Ох, Ронни, Ронни, как не вовремя ты ушел! От одного твоего вида Мут-Сохмет становилась шелковой! Красный кот. Где ж нам тебя взять?

Выходит, конец роду? Конец славной трехсотлетней истории кэльфов? Ну нет.

– Об этом даже помышлять нельзя! – громко сказала она вслух.

– О чем ты, Шона? – Лирай материализовался в дверях, не делая даже попытки сделать шаг в зал. Секунду спустя за его спиной проявилась Снотра.

– Его там нет.

– Как это нет? – не поняла Шона. – А где же он?

– Скорее всего, пришел в себя и сбежал.

– Куда сбежал?

– А вот это никому не известно, – проворчал Лирай. – Такой постреленок, как Мимир, может удрать куда угодно. Для него путешествие по дворцу – любимое дело. Где только мне не приходилось его отлавливать во время уроков.

– Пойдите, пойдите, – Шона, побледнев, вскочила на ноги. – Сейчас не то время, чтобы гулять.

– Ты, главное, не волнуйся, – успокоила Снотра. – Мы обшарили весь зал, во все витрины заглянули, нигде нет. В зале практически праздничная атмосфера: Сохмет продолжает витийствовать, повествует о своих бесчисленных подвигах, остальные, разинув рот, слушают. Если б у них был котенок, шла бы речь о нем, о нас. Сохмет бы его от себя на миллиметр не отпустила, демонстрируя добычу.

– Куда он денется, – махнул рукой Лирай, – набегается и вернется. Ты сама смотреть не пробовала, где он?

– Знаешь же, пока он не стал кэльфом, я его не вижу. Пройдусь по кошкам – к шедевральным зайду, элиту проведу, поспрашиваю, мне все равно с ними со всеми поговорить надо. А вы идите, дел полно. Если по пути встретите, за шкурку и домой под замок.

– Да-да, – заторопилась Снотра, – меня же дворовые ждут. Лекторий по живописи. Может, отменить?

– Ни в коем случае, – возразила Шона. – Все должно идти по плану.

Кошачье братство

В Шатровом зале Эрмитажа, именуемом в просторечье «голландским», собрались шедевральные кошки практически со всех картин. Огромная толстая кошка Рубенса, которую искусствоведы, восхищаясь «Вакхом», почему-то именуют пантерой, расположилась на самой длинной малиновой банкетке и лениво постукивала длинным хвостом, за порхающей кисточкой которого напряженно наблюдали сразу восемь глаз, принадлежащих худым и всегда голодным котяткам-переросткам с этюдов Франса Снейдерса.

Из-под золоченых фигурных ножек маленького столика у стены выглядывала большая серо-пятнистая особь Паувеля де Воса, спрыгнувшая с «Натюрморта с битой дичью и омаром». Хотя вокруг не наблюдалось ничего угрожающего, вид кошки совершенно недвусмысленно показывал готовность к немедленной драке: никак не могла расстаться с привычкой противостоять здоровенной собаке, хоть пес, естественно, остался на полотне и в зале появиться не мог. Под этим же столом с другой стороны точно так же оскалила морду вечная подружка девосовской зверюги – тоже серая, красноглазая драчунья с полотна Чарльза Джерваса «Олень, собака и кошка». Похожий сюжет, похожие привычки. Сошлись на общей ненависти к собакам и общей же любви к битой дичи. В остальном – милейшие создания, погладь – будут мурчать, пока не уснут с устатку.

Впрочем, ласку любят все. И серая полосатка Рембрандта, охотно оставляющая «Мадонну с Младенцем» на попечении мудрой змеи, и ушастая серо-белая хитрюга Хендрика Голциуса, частенько деликатно сбегаящая от «Адама и Евы», чтоб влюбленные насладились друг другом наедине, за что, скорее всего, и получила от искусствоведов позорное обозначение «символа греха». Хотя уж для кого-кого, а для кошки плотская любовь никогда грехом не считалась.

Отдельно на стуле, распеленавшись, нежилась черноухая и белоносая счастливица Давида Рейкарта III. Эта всегда была благодушна и сыта. Хозяйка-крестьянка, как подсмотрел художник, кормила ее с ложечки, словно собственное дитя. На соседнем стуле так же спокойно восседал толстый черно-серый кот Эглона Хендрика ван дер Нера. Его, видно, до смерти замутили неумные дети, без конца изобретающие новые развлечения. Из последних – птичка в клетке. Дети выставляли клетку на подоконник перед котом. Птичка чирикала и дразнилась. Кот нервничал и мечтал, наконец, открыть клетку и сожрать птичку. Пока не получалось.

Словом, кошек в зале собралось немерено. Возле серого мраморного постамента, жеманничая, делились впечатлениями о далеком Коллиуре красная кошка и фиолетовый кот Матисса, чисто французы: она – длинноногая и худая, он – несуразный, но стильный. Впрочем, желтая кошка Шагала, перед которой они выделялись, внимала им вполуха, скорее из вежливости: что ей Коллиур? Она была в Париже. Сезановская же сладкая парочка, наслушавшись «Увертюры к Тангейзеру», вообще была занята исключительно собой: кошка – белая грудка, белый хвост колечком – кокетливо изогнулась, кот же (из-за постамента виднелась только голова) нависал над подружкой, шепча ей в ушко что-то горячее и приятное.

Поскальзываясь на паркете, носились котята, у золоченого косяка молодые коты соревновались в прыжках в высоту, сгрудившаяся в правом углу компания кокетливых гламурных кошечек, судя по валяжно распушенным хвостам, уютно сплетничала, постреливая глазками на самых ловких котов.

Давным-давно еще первые кэльфы, разбирая полученные коллекции, научили кошек сходиться с картин. Во-первых, из интереса к новым магическим практикам, во-вторых, для удовольствия общения, в-третьих, чтобы в борьбе с мышами иметь хотя бы визуальное численное подкрепление – реально помочь способны были далеко не все герои эрмитажных полотен. С той поры коты и кошки могли покидать свои картины каждую ночь, что с успехом и проделывали.

вали, проводя время в болтовне и играх, короче – праздности. Днем же они исправно несли службу – каждый на своем холсте.

Шона перевела глаза с периметра зала в центр и чуть не охнула от изумления: редкие гости! На квадратном малиновом диване восседала удивительная пара: грозный зубастый Скифский кот и большеголовая иранская кошка, крайне редко покидающая свой сосуд «Водолей».

Именно присутствие этих двух особей подсказывало, что все эрмитажные кошки в курсе происходящих событий.

Начальник кэльфийской службы безопасности Богарди о чем-то серьезно разговаривал с крупным белогрудым котом Жана Ватто с картины «Савояр с сурком». Кот настороженно шевелил рыжими ушами, черно-рыжая же мощная спина напряженно вздыбилась: судя по всему, диалог был крайне важным. Этот кот среди шедевральных слыл мудрым и предусмотрительным, без совета с ним они не затевали ни одно серьезное дело.

«Тем лучше», – отметила для себя Шона и вошла в зал.

Перед шедевральными кошками, из уважения, она всегда появлялась в одном и том же виде – тоже кошки, породы невской маскарадной – ослепительно белой грациозной красавицей с черным опылением по краю шерстинок, черными кисточками на ушах, лапах и хвосте. Ее огромные голубые глаза сводили с ума всех тутошних котов, а ярко-розовый изящный носик служил постоянным предметом зависти соплеменниц.

Впрочем, все шедевральные – и коты, и кошки – понимая, кто перед ними, никогда даже не пытались перейти границы дозволенного.

Ее заметили. Кошки немедленно пристрожили неугомонных котят. Стало тихо.

– Судя по всему, Богарди уже ввел вас в курс дела, и все вы знаете о пробуждении Мут-Сохмет. Не стану пугать, скажу лишь, что положение серьезное и опасность грозит всем без исключения.

– Шона, мы не понимаем, – поднял лапу вандернеровский черно-серый кот, – эта Мут-Сохмет совсем, что ли, того? Она разве не понимает, что ее время ушло? Где Древний Египет и где она сейчас? Как можно вернуть время, если оно прошло? Я, например, тоже бы хотел вернуться и – сожрать, наконец, эту мерзкую чирикалку из клетки!

– Все дело в философии, – устало вздохнула Шона. – В Древнем Египте она была предельно простой и понятной: если мы что-то видим, значит, это существует. Мут-Сохмет существует в своей реальности, она ее видит, понимаете? Стало быть, твердо уверена, что все, что вокруг неё, до сих пор существует: воины на стелах, фараоны в саркофагах, звери, птицы – все!

– Как это? – шедевральные не поняли.

– Ну... – Шона замялась, подыскивая доступный пример. – Все знают «Портрет камеристки» Рубенса?

Кошки закивали головами.

– На самом деле художник изобразил никакую не камеристку, а свою умершую двенадцатилетней дочь Клару.

– Не может быть, – мотнула головкой красная кошка Матисса. – Девушка на портрете гораздо старше, ей там не меньше двадцати.

– В том-то и дело, – подтвердила Шона. – Горюя о смерти девочки, Рубенс написал ее уже повзрослевшей, как если бы она продолжала жить и взрослеть.

– То есть для него она осталась живой?

– Да. Раз люди могут ее видеть, значит, она существует.

– А мы, а мы, – заволновались шедевральные, – значит, мы тоже существуем?

– Разве у вас есть в этом сомнения? – улыбнулась Шона. – Или мне мерещится, что вы скачете, играете, разговариваете? Нет? Поэтому прошу вас, будьте крайне внимательны, если же вдруг кто-то заметит нечто необычное и настораживающее, немедленно сообщайте

начальнику службы безопасности Богарди. Особенно это касается вас, – она посмотрела на скифского кота и иранскую кошку. – Вы ближе всех к Египетскому залу. К остальным у меня будет отдельная важная просьба: некоторое время назад пропал Мимир. Вы все с ним знакомы. Прямо сейчас Богарди составит из вас патрули. Пожалуйста, пройдите в свои залы и галереи и поищите котенка. Это очень важно. Для Мут-Сохмет он представляет особый интерес. Прощерстите каждый уголок. Мимир вполне мог из любопытства запрыгнуть в какую-нибудь картину и заблудиться. Мог заскочить в вазу и теперь сидит внутри перепуганный. Мог...

– Шонхайд, – подала зычный голос рубенсовская великанша, – все мы знаем, что может натворить котенок. Не волнуйся, ни один уголок картинных галерей и музейных залов не останется неизученным.

– Спасибо. Я на вас надеюсь. Богарди, приступайте. – Шона грациозно махнула хвостом и вышла.

Теперь нужно навестить обычных котов.

Основная их популяция обитает в дворцовых подвалах. Малообразованные, ушлые, редко – с зачатками культурного воспитания, живут они вольной опасной жизнью, мало интересуясь сокровищами, хранящимися во дворце. Шляются по территории, пристают к посетителям, требуя ласки и угощения, некоторые даже вполне успешно подрабатывают фотомоделями, не за еду – за славу. Во дворец им вход был воспрещен, да они и не стремятся приобщиться к миру искусства. Если же кому-то удаётся прошмыгнуть мимо охраны и он, ошалевший от радости, попадает в одну из картинных галерей, то лучшее, на что способен дворовый кот, застыть на пару секунд перед каким-нибудь особенно впечатляющим натюрмортом, а потом попытаться подскочить как можно выше, чтобы стянуть с картины рыбу или кусок мяса.

Ни строгие увещевания, ни мягкие воспитательные беседы исправить положение не помогают, поэтому примерно столетие назад Снотра решила заняться важнейшим гуманитарным образовательным проектом. Разработала оригинальную методику, подготовила цикл лекций, даже изобрела новый вид фантомов для демонстрации прямо в воздухе необходимых копий картин. С тех пор раз в неделю дворовое хвостатое сообщество собирается на ее лекции. Зимой – в подвале, летом во дворе на травке. Поскольку среди дворовых происходит постоянная внутренняя миграция, и тягу к знаниям у новичков каждый раз приходится вызывать заново, курс лекций не обновляется десятилетиями. Снотра от этого однообразия сильно тоскует, но марку держит.

Разделение кошек на дворовых и дворцовых произошло еще при Екатерине Второй, в её время по Зимнему дворцу на вполне законных основаниях разгуливали только царицыны любимицы – русские голубые. После Екатерины практически у всех русских царей и их детей тоже были коты. И у Николая Первого, и у всех Александров, и у Николая Второго.

Особую память оставил о себе котенок цесаревича Алексея. Рыжего с белыми пятнами Зубровку Алеша привез из-под Могилева, где был с отцом на военных учениях. Сначала по настоянию цесаревича – пусть мышей от картин отгоняет – Зубровку поселили тут, во дворце, о чем немедленно пожалели: котенок летал по Эрмитажу, сшибая все, что подворачивалось, и разбивая все, что можно было разбить. На поиски и поимку сорванца бросалась вся челядь, цесаревич даже в ошейник с колокольчиком его обрядил, чтоб хотя бы по звуку узнавать, где тот носится. Все зря. Только кинутся на звук разбившейся статуэтки, тут из другого зала визг и лай – Зубровка уже дерется с французским бульдогом княжны Татьяны – Ортино. Прибегают на бульдожий вой – поздно: котенок совсем в ином месте гоняет сиамского кота другой княжны – Марии.

После того, как котриатору представили список дворцовых ценностей, уничтоженных Зубровкой, котенка наказали ссылкой в Царскосельский дворец, где в то время жила императорская семья. Цесаревич, конечно, дружку обрадовался. Но, как рассказывали, Зубровка и там много черепков оставил.

Однако все же российские самодержцы, как ни странно, больше любили собак. Отчего? Кэльфам абсолютно ясно: собак любить гораздо проще. Они понятнее, тупее, искренность их сродни глупости, ну и человек рядом с собакой чувствует себя истинным царем природы, способным повелевать, укрощать, обучать. С кошками все иначе. Все ровно наоборот. Ни одна кошка никогда не подчинится человеку полностью. Разве что иногда станет делать это для вида. Жаль, люди редко смотрят в кошачьи глаза, жаль, многое могли бы узнать и о себе, и о мире.

С дворовыми поговорит Снотра. А вот с дворцовой «элитой», как сами себя именуют несколько особей, занимающие лестницу рядом с хозотделом на втором этаже, надо непременно пообщаться. Их тут всего пятеро: четыре кота – Портос, Фигаро, Бен Ладен, Батон и кошка Ника, но наглости и самодовольства этой пятерки хватит на сотню обычных хвостатых. Над их обиталищем реет рекламный слоган: «*Noli tangere circulos meos*» – не тронь мои круги, иначе говоря: лучше не лезь – схлопочешь. Кто-то из студентов Репинки постарался.

Элита, конечно, не знает, а Шона отлично помнит: точно эти же слова начертал на своде эрмитажного подвала, в котором жил во время страшного Фимбульветера, архитектор Александр Никольский. Голодный, при свете свечи, он зимой сорок второго чертил Арки Победы, через которые должны были пройти воины-освободители, разорвавшие блокадное кольцо. «*Noli tangere circulos meos*» – «не тронь мои чертежи»! Эти слова Архимеда, обращенные к римскому воину, своему убийце, Никольский адресовал новым варварам, пытавшимся покорить Петербург.

Шона подошла, вежливо поздоровалась. Толстый белый Батон не отреагировал вовсе – полное отсутствие воспитания. Ника вскочила, взъерошилась, сверкнула желтыми сонными еще глазами, готовясь в любой момент отстоять свое привилегированное положение, узнав Шону, сменила гнев на безразличие, хорошо, задом не повернулась. Огромный пузатый увалень Портос сладко потянулся, чуть не свалившись со ступеньки, перевернулся на живот, сделав вид, что готов выслушать гостью. Фигаро же с Бен Ладеном, моментально сообразив, что намечается занятное приключение, уселись рядышком, обернувшись хвостами, выставили острые уши: внимаем.

О пробуждении Сохмет и возможных последствиях этого события элита понятия не имела, как, конечно, и о пропаже Мимира. Шона постаралась быть краткой и предельно понятной, избегая исторических подробностей и угрожающих ассоциаций.

– Так она не собирается перебираться сюда? – полюбопытствовала Ника.

– Думаю, она здесь просто не поместится, – грустно пошутила Шона.

Ника прикрыла глаза и свернулась клубком, давая понять, что аудиенция окончена. Батон по-прежнему сладко спал.

– Война, – утвердительно кивнул Бен Ладен, мгновенно почувствовавший себя вожаком. – Отлично. Надоело дворовых гонять. Никакой радости от побед. Трусые и подхалимы. Сильная, говоришь? Коварная? Посмотрим. – Он спрыгнул на площадку, явно намереваясь приступить к боевым действиям немедленно. – Фигаро, Портос, вы со мной?

Портос, улыбаясь, погладил себя по животу, показывая, что сильно объелся и к стремительным рейдам пока не годен.

Фигаро сомневался. Похоже, из всей элиты он оказался самым умным.

Шона, понятно, не стала останавливать Бен Ладена доводами о силе и могуществе Сохмет, все равно бы не поверил.

– Я как раз пришла попросить вас о помощи, – кротко улыбнулась она Бен Ладену. – Учитывая ваш боевой опыт и несомненные героические заслуги, мы просим вас возглавить операцию, назначенную на утро полнолуния. Вам хватит суток, чтобы привести в боевое состояние дворовых? Обучить их элементарным навыкам ближнего боя и обороны? Наша цель состоит в минимизации числа жертв.

Бен Ладен приосанился, высокомерно задрал голову.

– Ты сомневаешься?

– Ни в коем случае! Иначе бы не пришла. И еще одна просьба: чтобы не рассекретить операцию, ни одна дворовая кошка не должна в течение этих суток переступить порог Дворца и тем более пытаться проникнуть в Египетский зал. Сохмет умеет считывать информацию.

– Понял, – важно кивнул Бен Ладен. – Когда приступать?

– Как только Снотра закончит лекцию.

– Я пока сбегаяю, посмотрю, что там, в зале! – заерзал Фигаро.

– Сидеть! – взревел Бен Ладен и вмазал когтистой лапой соседу по заливку. – Сказано: ни шага в зал! Задушу!

– Фигаро, – повернулась к испуганному коту Шона. – К вам у меня отдельная просьба. Поскольку вы в совершенстве владеете умением незаметно просачиваться в самые недоступные места, помогите найти Мимира. Шедевральные уже ищут его, но, как вы знаете, по служебным и хозяйственным помещениям они не специалисты, для вас же во дворце тайн нет. Не возражаете? – повернулась она теперь к Бен Ладену, демонстрируя несомненный пиетет перед предводителем.

– Давай, – махнул тот лапой. – Вперед! Не найдешь – уши отгрызу.

Клетка

Мимир просыпался несколько раз, но совсем на чуть-чуть. Каждый раз хотел встать – не получалось. В моменты пробуждений видел сначала все ту же человечью бабушку, она сидела возле клетки, упершись локтем в стол, ее голова то и дело соскальзывала с ладони, стучаясь о клетку, оттого, наверное, он и просыпался. Потом пришла волна ветра, он снова открыл глаза и увидел котофанку Галя – ее знали все коты и кэльфы, она признавалась всеми во дворце самая доброй и справедливой. Галя махала руками и ругала бабушку, зачем она тут ночь сидит, бабушка оправдывалась, что не могла оставить котенка, вдруг ему станет плохо, и говорила Гале: ты сама прискакала среди ночи, вместо того чтобы спать, и они обе смеялись.

Потом Галя открыла клетку и тискала его со всех сторон, проверяя лапы, спину, живот и даже хвост, заглядывала в глаза, рот, даже пыталась вытянуть язык, он не дал и, кажется, цапнул Галя за палец. Случайно. Галя сказала, что котенок хоть и приبلудный, но совершенно здоров, наверное, кто-то из гостей подкинул, и малыш сильно перепугался в незнакомом месте, а теперь спит, потому что действует таблетка. Но все равно надо показать доктору. Потому что придется кастрировать. Пощекотала пузо: сделаем тебе чик-чик и выдадим эрмитажный паспорт. О чем речь, Мимир не понял.

Еще Галя сильно удивлялась, что он половинчатый, цокала языком: смотри, даже хвост ровно напополам!

Похоже, он Гале сильно понравился. И страшно ему не было. Совсем. Потом и Галя, и бабушка, обе ушли. Досыпать. Стало темно и тихо, и Мимир опять уснул.

А когда снова проснулся, все равно была ночь, и он все вспомнил: как сбежал от бабушки Шоны посмотреть красный цвет, как увидел его на коленях страшной Сохмет, как она приклеила его к полу своими желтыми глазищами. Очень захотелось к бабушке Шоне.

«Бабуля, – шепчет Мимир, – я тут, заberi меня!» Бабушка не слышит, вокруг темно и тихо, только кто-то переговаривается рядом на кошачьем языке.

Мимиру страшно: вдруг это Сохмет? Пробралась невидимой вслед за ним. Сейчас набросится и разорвет на куски! Человечья бабушка сказала: не бойся. И котофанка Галя, когда его тискала, тоже так говорила. Хорошо не бояться, когда бабушка Шона рядом. А когда один? Лирай учит: из всякого безвыходного положения есть выход. И он, скорее всего, там же, где был вход. Значит, надо найти выход из клетки?

Клетка прочна и удобна. Лирай такую показывал, когда изучали виды транспортировки котов. Называется «переноска». Просторная, легкая, стенки из мелкой-мелкой прочной ячеи, в которую даже коготок трудно протиснуть. Европейская сборка. Дно – гладкий пластик с двумя приваренными мисками – для еды и для воды. В таких переносках котам хорошо путешествовать, говорил Лирай. Сверху на шнурках темная тряпица – шторка: вдруг коту страшно – мало ли, какая дорога, – хозяин дернет за шнурок, шторка падает и закрывает всю клетку. И? Тьма и неведение? Что ж тут хорошего? Люди, наверно, думают, что тогда не страшно. Ага, болтаешься, значит, ты над землей, куда несут, кто, зачем – неизвестно. Ни света, ни запахов. Шторка чем-то специально обработана, чтоб запахи отсекают. Никакого контакта с внешним миром. А кот – любой – без обоняния вообще помереть может!

Из головы не выходили слова котофанки Гали про «чик-чик». Котенок не понимал, что они означают, ни на одном из уроков Лирая подобное не звучало. Звуки казались ласковыми, но опасными, как стрекот ножниц, с которыми бабушка Шона никогда не позволяла играть.

Мимир повторно обследовал клетку, убедился, что изнутри ее не открыть, задумался. Когда он думал, страх утихал. Бабушка так и говорила: если тебя что-то пугает, остановись, подумай, стоит ли этого бояться, а уж потом решай, кто главнее: ты или страх.

Мимир очень хорошо помнил и урок Лирая: «хорошая клетка защищает кота от любых внешних воздействий», поэтому решил пока не бояться, а тщательнее изучить обстановку, тем более что на его клетке шторку никто не опускал.

Оглядевшись, увидел в комнате еще несколько клеток. В одной большой, будто птичьей, как с картин в итальянском зале, сидели сразу две кошки. Тощие, молодые, почти как он сам. В маленькой клетке на подоконнике сладко спал кто-то коричнево-черный, непонятного возраста и пола. А в клетке на деревянном стеллаже, точно такой же, как и у него, нервно бил хвостом огромный серо-полосатый котяра с отгрызенным ухом. По этому уху Мимир его и узнал. Неужели Техас?

Техас – самый грозный из дворовых котов. Единоличник и безусловный авторитет. Этот свой статус он завоевал в кровавых битвах с прошлым предводителем – Вермонтом. Пришел Техас в эрмитажный двор стильной зимой из далекой от дворца Коломны. Подвал под дешевым кафе, в котором он вольготно и сытно жил, стали оборудовать под дорогой ресторан и кошек выперли буквально на улицу. В поисках нового места жительства Техас вышел на набережную Невы и стал вынюхивать новую квартиру. Попытался пристроиться на сухом и теплом чердаке дома голландского посланника на Английской набережной – не вышло, охрана прогнала. Нашел лаз в подвал Адмиралтейства, только освоился, прорвало трубу, и подвал затопило.

Понятно, избрав путем передвижения набережную, миновать Эрмитаж Техас не мог. Пришел с добром, желая единственного: влиться в дружную кошачью семью, перезимовать и не умереть с голодухи. Тем более что пришел не один. За ним, как ниточка, приклеившаяся к хвосту, поспешала давняя подруга черно-белая Мурка, у которой вот-вот должны были появиться котята. От Техаса, разумеется. Поэтому пекся бывалый гуляка не столько о себе, сколько о предстоящем потомстве.

Стареющий Вермонт сразу почувствовал в новичке угрозу: не подпускал к мискам, гонял из подвала, шипел, царапался – угрожал. Мурке тоже доставалось, несмотря на интересное положение. Терпения Техаса хватило ненадолго, тем более что рядом, недвусмысленно оттирая потяжелевшую измученную Мурку, стреляла зелеными глазами молодая беленькая кошечка Люси, сладкая, как масляная розочка на торте.

В очередной наскок Вермонта Техас сгруппировался и прыгнул. Клубок из двух сильных тел катался минут пятнадцать, после чего они расцепились, оценив друг друга, признав на время паритет. Зализав раны, каждый решил: победа или смерть. На стороне Техаса была молодость и отвага, Вермонт блистал опытом и коварством. Победила молодость. После четвертой битвы Вермонта с почти выцарапанным глазом, разорванной пастью и располосованным боком увезли в больничку. Дворовая стая единодушно признала верховенство Техаса. Грациозная Люси благосклонно вылизала раны победителя.

Вернувшись, Вермонт стал тише воды и ниже травы. Ел, спал, гулял, ни в коей мере не пытаясь вернуть свое место. Да и куда там! Глаз не видит, задняя лапа волочится... Эх, был бы Техас чуть опытнее в дворцовых интригах, знал бы, насколько ум и хитрость иногда важнее грубой физической силы...

До того дня Техасу удавалось счастливо избегать контакта с эрмитажными ветеринарами, которые строго следили за тем, чтоб все коты были кастрированы, а кошки стерилизованы. По сути, Техас, как пришлый, оставался единственным полноценным котом в стае, и это, конечно, тоже было предметом зависти остальных.

Короче.

Коварный Вермонт, прикрываясь инвалидностью, собрал заговор. В качестве приманки решили использовать Люси, которой, если не согласится, пригрозили сильно подпортить ее модельную внешность. Вчера в обед озабоченная Люси примчалась к Техасу и сообщила, что у Мурки вот-вот начнется и она сильно просит Техаса принести ей селедочью голову – полако-

миться напоследок соленьким. «Где ж ее взять?» – задумался Техас. «У Гали в кладовке есть, я видела, – шепнула Люси, – пойдем, покажу». Техас заскочил вслед за белянкой в запретную комнату и попал прямо в Галины руки. Котофанка, оторопев от наглости, сначала захлопнула дверь, отсекая путь к бегству, а потом, разглядев, кто пожаловал, сильно обрадовалась: месяц не давался, гляди, сам пришел!

Пока Галя ловила кота и сажала его в клетку, предательница Люси стащила со стола килограммовый пакет сырой печени, купленный Галей на ужин. Приволокла деликатес заговорщикам, полностью оправдавшись перед сообществом за неосмотрительную любовную связь.

Конечно, Мимир не ведал о случившемся и потому не очень поверил своим глазам.

– Дяденька Техас! – зовет он тихонько. – Это вы?

Грозный кот молчит, не снисходя до малыша.

– Дяденька Техас, а что такое чик-чик? – упорствует настырный котенок.

Из огромных желтых глаз Техаса катятся слезы. Он умеет плакать?

– Это конец, малыш, – сдавленно произносит он. – Жизнь без радости и страсти, без весны и любви. Март вообще можно вычеркивать из календаря.

– Как это? – Мимир не понимает.

– Подрастешь – поймешь, хотя в этой ситуации и подрастать незачем. Тебе проще: не попробовав, не знаешь, что теряешь. Не спрашивай. Лучше тебе не знать.

– А вам что лучше? – совсем не понимает котенок.

– А по мне лучше сразу на небеса.

– В Авалон? – сообразив, переспрашивает Мимир.

– Авалон, хренилон... Какая разница? – Техас злится, почти рычит как собака. – Только все устаканилось, только в силу вошел, врагов убрал... Это надо ж так купиться! На селё-дочью голову! Мурку хотел порадовать, котят ждет, рыбы просит... Обвели вокруг пальца, как сосунка. Не иначе Вермонт постарался. Сволочь. И эта... Люси – сука белохвостая. Убью гадину! Замордую! Бежать надо. Бежать.

– Дяденька Техас, вы, когда убежите, скажите моей бабушке, что я тут, пусть за мной придет.

– Обязательно, – недобро ухмыляется кот. – Все, отстань, Техас думать будет.

Котенок возится в клетке, пялится в темноту, ловит на себе любопытные взгляды тощих кошек из птичьей клетки.

– Девушки, – хоть с ними поговорить. – Вы тоже ждете чик-чик?

Кошки зашипели, забили хвостами о прутья клетки: заткнись, придурок!

Грубости Мимир не любил, тем более незаслуженной, свернулся в клубочек и решил подождать, пока Техас сбежит и приведет бабушку.

Великая и ужасная

В Египетском зале продолжался шабаш. Панегирики в честь подвигов Мут-Сохмет провозгласили уже почти все записавшиеся у писаря. Сохмет благосклонно внимала словесному елею, одобрительно кивая каждому выступившему, строго наблюдая за тем, чтобы ни один из присутствующих не отвлекался, внимая и запоминая. Кобра на голове Сохмет тоже благосклонно пощелкивала длинным раздвоенным языком.

– Довольно, – машет рукой Сохмет. – Достаточно. Писарь, ты все успел записать? Хотя – зачем писать? Вся моя жизнь, все мои подвиги давным-давно вписаны в скрижали истории, и каждый ознакомившийся с ними не может не признать, что я, Мут-Сохмет, истинная богиня, великая и ужасная, что именно мне повинуются ветры и огонь, стрелы и снаряды, болезни и здоровье. От меня зависит, какая будет погода и будет ли она вообще! – Сохмет зычно засмеялась своей крайне удачной шутке, и все в зале затряслось, запрыгало, затренькало, зазвенело.

– Есть ли ко мне вопросы? – спросила Мут-Сохмет. – Может быть, кто-то хочет узнать что-либо из первых уст? Не стесняйтесь, сегодня такой день – все можно!

– О, великая богиня, – склонился в низком поклоне карлик со стелы, – мир полнится легендами о тебе, но мало кто знает, как из наших благословенных песков ты оказалась здесь, на Севере, что тебя привело сюда и почему ты до сих пор здесь?

– Сразу три вопроса, – расплылась Сохмет. – И все такие важные. Неужели вы не знаете на них ответа?

– Знаем, повелительница огня, но – из третьих рук, а хотелось бы знать истину. Кто кроме тебя способен ее поведать?

– Ты прав, – согласилась Мут-Сохмет. – Столько вранья, столько мути, иногда я сама путаюсь, обо мне ли тот или иной апокриф. Знаете ли вы, что, когда меня провожали из Египта, был всенародный траур? О, нет, его никто не объявлял, это было единое веление скорбящих душ. Об этом не говорят, чтобы не бередить до сих пор не прошедшую печаль египтян. Конечно, я могла остаться на родине, и никто против моей воли не посмел бы и шевельнуть пальцем, но эта дикая варварская страна, эти хляби и туманы, этот не признанный богами уголок мира, он звал меня, он нуждался в моей силе и мощи. Я должна была покорить эту землю еретиков и утвердить тут свой порядок.

В тот траурный день, когда я позволила переместить себя с храмовой площадки на нильскую дагабию, на берегу собрались толпы. Женщины рыдали, дети кричали, мужчины рвали на себе волосы от горя, старики молились о моем скорейшем возвращении. Каждый стремился коснуться меня рукой или хотя бы поцеловать пылинку, спорхнувшую с моего плеча. Одна благородная арабская дама попросила у моих сопровождающих разрешения подойти ко мне поближе. Я понимала, чего она хочет, и позволила ей это сделать. Ее свита все это время оставалась на берегу, ожидая. Она любовалась мною около часа, потом молилась коленопреклоненной, а напоследок поцеловала мою ногу. Она просила меня о прекращении неплодия. Могла ли я ей отказать? Так ли ужасна и зла Мут-Сохмет, как об этом рассказывают? Нет! Я – богиня справедливости и мирового порядка. И именно поэтому мне приходится зачастую действовать огнем и мечом. Но эта дама, она была так трогательна в своем горе... Я понимала, она – одна из последних египтянок, которых я вижу на своей родине перед грандиозным путешествием, и я дала ей то, что она просила! Как давала многократно многим страждущим. Теперь я немного передохну, а вы можете обсудить эту замечательную историю. – И Сохмет, откинувшись на трон, прикрыла глаза.

Что самое удивительное – рассказ Сохмет был истинной правдой: именно так передавал свои впечатления Авраам Сергеевич Норов, ученый, путешественник, поэт, друг Пушкина и Гоголя, отыскавший единственную уцелевшую гранитную статую Мут-Сохмет среди развалин

Карнакского озерного храма. Знал бы он, герой войны 1812 года, семнадцатилетним юношей потерявший в сражении ногу, что натворил, выкупив львиноголовую богиню! Предвидел бы, какие беды войдут в город вместе с Мут-Сохмет... Точно бы утопил гранитное чудище еще во время транспортировки морем до Одессы. Или закопал бы навечно в вековых сугробах, когда на саях ее волокли в Петербург.

Не ведали. Ни Норов, ни кто другой.

Поначалу Мут-Сохмет ощущала себя очень плохо: вместо ожидаемого ею почета и восхищения она оказалась под лестницей в Академии художеств, в пыли и забвении. Разве что какой любопытный студент взгляд кинет, да вот еще как-то Пушкин заглянул незадолго до дуэли – Норов о гранитной скульптуре рассказал. Постоял рядом, помолчал, видимо, впечатлился, даже мысль появилась поэму написать. Не успел.

Единственные, кто скрашивал позорное заточение Сохмет, – Сфинксы. Эти жили в России уже пять лет, рядом – дорогу перейти, конечно, освоились уже совершенно. Они Мут-Сохмет обрадовались – землячка! Днем богиня и Сфинксы смирно исполняли роль памятников, а ночью забавлялись, как могли! Морочили прохожих, дурили им головы галлюцинациями, отдавали всякие безумные приказы. Именно тогда по Петербургу прокатилась волна самоубийств, причем никто не видел, где именно утопленники сигали в воду, но находили их всех неподалеку от Сфинксов без всяких признаков насилия, с одинаковым выражением ужаса на лицах.

Когда прохожих поблизости не было, Сохмет и Сфинксы беседовали о Египте, вспоминали, спорили, сплетничали о личной жизни фараонов, будучи совершенно единомышленными в том, что если б не их жадность и распутство, стоять бы ТОМУ Египту, ИХ Египту, неколебимым в веках. Абсолютно сходились они и в цели своего пребывания в Петербурге.

Незаметно и хитро Мут-Сохмет совершенно подчинила себе Сфинксов, сама ежедневно высасывая силы и энергию у сотен людей, наливалась силой, обретала растратченную мощь. Она, «владычица пределов мест», именно это высечено на ее гранитном престоле, грезила о соответствующем себе положении в глазах и умах петербуржцев. Нет, вовсе не рядом со Сфинксами! Ее вотчина по праву – самый центр города, главная площадь, то самое место, где стоит императорский Зимний дворец. Для воцарения там всего-то и надо его спалить.

И 17 декабря 1837 года Зимний запылал!

Ни с того ни с сего вспыхнул огонь в самом центре – Фельдмаршальском зале и пошел по дворцу, пожирая стены, перекрытия, мебель, императорскую утварь. Не помогло ни личное присутствие Николая Первого, примчавшегося из театра, ни самоотверженная работа сотен пожарных. После тридцати часов непобедимой огненной пляски от дворца остались одни головешки, на черной земле вокруг Александровской колонны среди обугленных обломков дворцового имущества недвижно лежали тринадцать погибших тушителей ...

Пока дворец пылал, как огромный жертвенный костер, Мут-Сохмет уговаривала Сфинксов переместиться на площадь вместе с ней, став ее вечной охраной. Сфинксы, много лучше Сохмет изучившие русский характер и нравы, осторожничали. И не напрасно. Оказалось, что остальные здания на площади не пострадали: незадолго до пожара переход из дворца в Малый Эрмитаж был разобран, а окна заложены. Коллекции остались нетронутыми. Более того, в самом начале пожара из Военной галереи успели вынести портреты героев 1812 года и «Святого Георгия» Рафаэля.

Следствие кэльфов по делу о пожаре долгое время буксовало. Король фей Оберон, к которому они обратились за помощью, откликнулся немедленно: «Ищите большую черную кошку». Перебрав всех известных на тот момент особей, подходящих под описание, методом проб и ошибок кэльфы вышли, наконец, на Мут-Сохмет, как на единственную вдохновительницу, виновницу и исполнительницу трагедии. День обнародования заключения следственной бригады стал днем начала открытого противостояния кэльфов и Мут-Сохмет.

К чести Сохмет сказать, она гораздо быстрее поняла, с кем имеет дело, оценила кэльфийские минусы и плюсы, силу и слабости. Кэльфы же, которым никогда раньше не приходилось сталкиваться с такой необузданной внезапной и коварной мощью, принялись за изучение первоисточников, положив себе главной задачей не столько войну с Сохмет, сколько усиление охраны вверенных им эрмитажных сокровищ.

Все силы были брошены на восстановление дворца. Невидимые, кэльфы все время находились рядом с архитекторами Стасовым и Брюлловым, возглавлявшими строительную комиссию, подсказывали и направляли рабочих, а иногда и сами незаметно выправляли недоделки или скрытый брак при строительстве. За пятнадцать месяцев – неслыханное дело! – дворец был воссоздан. Усталые кэльфы праздновали победу и отсыпались, а Сохмет в это время вовсю устанавливала дружественные связи с дворовыми котами, общение кэльфов с которыми на время восстановления Зимнего оказалось вынужденно прерванным.

Мут-Сохмет готовилась к реваншу, это было понятно. Собирала преданную армию, чтобы развалить кошачье братство изнутри, сеяла раздоры и конфликты. Отдельную работу она вела с людьми, формируя из них орудия своих будущих демаршей. Большие надежды возлагались на социалистов: именно они, по мнению Великой и Ужасной, должны были помочь ей разделаться с существующим миром. А поскольку на то время главными социалистами в России считались петрашевцы, Сохмет сконцентрировалась на них, внушая им, что мирным путем они никогда не смогут достичь своей благородной цели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.